

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА
НА СВЕТЕ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Единственная
женщина на свете
Серия «Фенька –
Femme Fatale», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=324332
Единственная женщина на свете: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42216-6

Аннотация

Согласившись пойти вместе с подругой Милкой на встречу с шантажистом, Фенька и не думала, чем рискует. Вечер обещал быть томным, но закончился печально... Фенька получила чем-то тяжелым по голове, а когда пришла в себя – обнаружила неподалеку мертвую подругу. Через несколько дней при загадочных обстоятельствах погибает Милкина двоюродная сестра. И Фенька решает, что эти убийства – звенья одной цепи. В это же время в город возвращается Стас – великая Фенькина любовь. Любовь запретная, когда-то много лет назад отравленная предательством и убийством. Он вернулся, без нее Стасу жизни нет. Но Фенька не только для него единственная женщина на свете...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Татьяна Полякова

Единственная женщина на свете

*Среди мертвых и живых
Ждать тебя не перестану.
Мне не плыть по океану
Слов признания другим.*

С. Сурганова

– Меня шантажируют, – заявила Милка.

Судя по выражению ее лица, она не шутила, да и тон, которым она произнесла эти слова, заставлял задуматься. Однако, несмотря на это, заявление вызвало сомнение. Кто, а главное, с какой стати ее шантажирует? Я решила не торопиться с выводами и дождаться объяснений, лелея в душе надежду, что подружка вкладывает в глагол «шантажирует» иной, только ей понятный смысл. С готовностью кивнула и на нее уставилась. И тут же нарвалась:

– Чего ты глаза таращишь? Меня шантажируют. И в этом нет ничего смешного. – Милка горестно вздохнула, покачала головой и сказала с обидой: – Господи, ну что за дерьмо, а?

– Действительно, – сказала я. – В самом деле, что за дерьмо?

– Ты издеваешься, что ли? – возмутилась подруга.

– Нет, пытаюсь понять. Ты не могла бы в нескольких словах и по возможности толково объяснить, что это за хрень такая?

– Ты шантаж имеешь в виду? – хмыкнула Милка. – Это когда какой-нибудь сукин сын вымогает у тебя деньги.

– Это называется вымогательством, – поправила я, все еще сомневаясь, что Милка говорит серьезно. – Шантаж – это когда деньги требуют в обмен на компромат.

– Очень умная, да? – съязвила подруга и вновь головой покачала, досадуя на мое нежелание поверить, что ее кто-то шантажирует.

Час назад Милка позвонила мне и произнесла обреченно:

– Надо встретиться.

– А чего голос у тебя похоронный? – на всякий случай спросила я.

– Неприятности.

– На работе проблемы?

– Какая, на хрен, работа! – рывкнула Милка, и я посоветовала себе с вопросами повременить, заподозрив, что проблемы касаются дел сердечных.

Полгода назад Милка едва не лишилась возлюбленного, в том смысле, что он предпочел ей другую девушку, найдя ту более привлекательной. О том времени я до сих пор вспоминаю с дрожью душевной. Милка называла своего Берсеньева не иначе как «любовью всей моей жизни», что особого доверия не внушало. Дружили мы с ней лет семь, и за это время я

успела свести знакомство по меньшей мере с тремя представителями мужского пола, о которых подружка говорила точно так же. Но, несмотря на это, от души ей сочувствовала, потому что Милка – существо увлекающееся и, как голливудские звезды, свято верит, что даже шестой по счету брак заключается на небесах. Разрыв, и без того неприятный, усугублялся тем, что Сергей Львович Берсеньев был не только ее возлюбленным, но и хозяином фирмы, в которой работала моя подруга. Женихом считался завидным, что, по моему мнению, и не позволило Людмиле Михайловне послать его подальше, когда она узнала о шалостях на стороне. Милка мечтала выйти замуж за олигарха и отступить без боя была не намерена. Если бы ей перешла дорогу девица двухметрового роста со схожими мечтами, подружка, вне всякого сомнения, сумела бы очень быстро поставить нахалку на место, но соперницей оказалась обычная девушка, не блиставшая, с точки зрения Милки, ни красотой, ни особым умом, и это доводило ее до бешенства, потому как приходилось признать: вовсе не скверная мужская привычка хватать все, что плохо лежит, толкнула Сергея Львовича на опрометчивый шаг, а самая что ни на есть большая любовь, о которой, кстати, так любила порассуждать Милка. Подруга то грозилась незамедлительно лишить обидчика жизни, то подстерегала его в коридорах родной фирмы с намерением воззвать к совести и былым чувствам. Сергей Львович был непреклонен. Вежливо, но твердо он, точно мантру, повторял одно и то

же: «Прости, Мила, но я без нее не могу», доводя тем самым бывшую любовь до тихого бешенства. С работы он ее не увольнял и даже повысил до начальника отдела, вел себя по-джентльменски, полностью признавая свою вину, и зашел так далеко, что купил ей квартиру, надо полагать, в качестве компенсации за моральный ущерб. И хоть Милка в сердцах называла его «подлецом», но сама в своей правоте сомневалась.

Думаю, в тот момент она в самом деле в него влюбилась, разглядев с некоторым опозданием в парне с толстым кошельком в общем-то неплохого человека. Другая бы на ее месте, уяснив всю серьезность его намерений в отношении ничем не примечательной девицы, скорее всего, отступила бы, пожелав влюбленным счастья, но Милка не желала. К тому моменту ее любовная драма стала напоминать мексиканский сериал, я в перипетиях запутанных ходов успела потеряться и, утратив интерес к этой истории, слушала откровения подружки вполуха, а в ответ на ее вопрос «что делать?» невнятно мычала. Поэтому слегка удивилась, когда она сообщила мне, что отправляется с Сергеем Львовичем отдыхать в Венесуэлу.

– Он понял, какого свалил дурака, и надумал вернуться? – заранее радуясь за подругу, спросила я.

– Ничего он не понял, – нахмурилась Милка.

– Тогда ему стоит отправиться в Венесуэлу с Чухонкой, – рассудила я. – Или ей он тоже успел дать отставку?

У возлюбленной Сергея Львовича обнаружили эстонские корни, оттого Милка называла ее не иначе как Чухонкой. Мне было все равно, как ее называть, тем более что с девицей я была не знакома и настоящего имени даже не знала.

– Он сказал ей, что уезжает по делам на пару недель, а эта овца ему поверила. Вот уж дура, прости господи. Я перед этим мерзавцем на коленях стояла и поклялась, что оставлю его в покое после возвращения из отпуска.

– То есть отпуск вы проводите вместе, а потом разбегаетесь?

– Ага. Если за две недели я не сумею вправить ему мозги...

– А ты сумеешь? – почесав за ухом, спросила я и тут же пожалела об этом. Но подруга не стала близко к сердцу принимать мои сомнения. Пожала плечами, шмыгнула носом и произнесла:

– Это мой единственный шанс.

Я решила: либо Сергей Львович существо на редкость слабохарактерное, либо его любовь к Чухонке не так уж велика. В любом случае шанс у Милки есть, что меня порадовало. Кстати, с Сергеем Львовичем мне встречаться не доводилось, видела я его лишь на фотографии и о его характере имела смутное представление, исключительно с Милкиных слов, а ее рассказы страдали явным отсутствием логики.

В общем, четыре месяца назад я проводила подругу в дальний путь, пожелав ей удачи. Трудно представить, чем

закончилось бы это путешествие, если б не вмешательство судьбы. Находясь в Венесуэле, они вполне счастливо проводили время, пока однажды вечером им не пришла идея прокатиться с ветерком вдоль побережья на арендованной машине. Прогулка оборвалась трагически. На большой скорости автомобиль, потеряв управление, врезался в ограждение моста. Обоих выбросило из машины. Милка, по счастливой случайности, упала в воду и отделалась большим испугом. Сергею Львовичу повезло куда меньше. Он находился за рулем и получил очень серьезные травмы: сломанные ребра, сотрясение мозга и ушибы внутренних органов. Ко всему прочему лобовое стекло разлетелось вдребезги, и осколки так изувечили лицо Милкиного возлюбленного, что его пришлось сшивать буквально по кускам. Состояние Сергея Львовича не позволяло транспортировать его на Родину, и месяц он провалялся в больнице, в какой-то богом забытой дыре, где наши посольские обнаружили их с Милкой далеко не сразу. Весь этот месяц подруга ни на шаг не отходила от постели Сергея Львовича и делала все возможное, чтобы вернуть его к жизни. А вопрос стоял именно так.

Едва не оказавшись на том свете и видя такую преданность Милки, Сергей и думать забыл о Чухонке. Когда они после пережитых мытарств вернулись на родину, первым делом подали заявление в загс. История, начинавшаяся столь трагически, закончилась вполне счастливо. Сергей Львович понемногу возвращался к привычной жизни, а окружающие

понемногу привыкали к его новой внешности — после пластической операции он выглядел несколько иначе. Насколько, судить не берусь, раз не только до, но и после не видела его ни разу, и тут всецело приходилось полагаться на Милкины слова, а она утверждала следующее: узнать его можно с трудом. Новая внешность подругу ничуть не печалила, теперь она любила Сергея Львовича со всем жаром души и больше не сомневалась в его искренних чувствах. Превратности судьбы, как известно, лучше всего помогают проверить наличие или отсутствие этих самых чувств, а подруга испытания выдержала с честью. Так что впредь я за нее могла быть спокойна: Милку ожидает замужество и, как следствие, тихое семейное счастье.

Оттого ее звонок сегодня, трагический голос вкупе со словами о неприятностях здорово напугали. Неужто Сергей Львович, выздоровев и оказавшись в привычной обстановке, забыл, чем обязан Милке, и вновь вспомнил о своей Чухонке? Нежелание подруги объяснять по телефону, в чем дело, беспокойство лишь увеличило. И я поспешила в кафе «Лютос», где мне было назначено свидание.

От моего дома до кафе далековато, и я, отправившись туда пешком, могла вдоволь поразмышлять о том, какие мужики неблагодарные существа и что нам, бедным женщинам, с этими существами делать. По мне, так посылать подальше.

Милку я увидела сразу. Она сидела за круглым столиком на двоих, выставленным вместе с еще тремя такими же пря-

мо на улицу поблизости от входа. Осень в этом году на редкость теплая, но с утра накрапывал дождь, и остальные посетители предпочли помещение прекрасному виду, оттого подруга и пребывала в одиночестве, поджидая меня за чашкой кофе.

Сведенные у переносицы брови и сурово поджатые губы подтвердили мои худшие опасения. Я уже не сомневалась: неприятности связаны с Сергеем Львовичем, потому что, находясь в ожидании, когда счастливая невеста превратится в счастливую новобрачную, Милка ни на какие другие обстоятельства попросту не стала бы обращать внимание.

– Привет, – сказала я и заняла стул напротив, прикидывая, как половчее растолковать подруге, что от Сергея Львовича с его непостоянством надо побыстрее избавляться. Конечно, можно еще раз махнуть в Венесуэлу или в иное экзотическое место, но попадать в очередную аварию в целях собственной безопасности все-таки не стоит.

И тут Милка спутала все карты, заявив, что ее шантажируют. Объяснить, в чем дело, она не спешила, и я попыталась своим умом дойти, что она имеет в виду. Первой на ум пришла Чухонка. Должно быть, девица заявила, будто беременна, и Сергей Львович принялся метаться между двумя женщинами, одна из которых вернула его к жизни, а вторая готовится осчастливить наследником.

Милка помешивала кофе, чашка звякала. Я морщилась, потому что это самое звяканье действовало мне на нервы,

но сделать замечание подруге ввиду драматизма ситуации не сочла возможным. Помучилась немного и сказала:

– Она беременна?

– Кто? – подняв на меня гневный взгляд, спросила Милка.

– Чухонка. Или есть еще кто-то?

– Смотри не накаркай.

– Тогда я ничего не понимаю.

Милка наконец отодвинула чашку и перегнулась ко мне.

– До тебя что, все никак не дойдет? Меня шантажируют. Требуют бабки.

– Кто?

– Откуда я знаю?

– Ладно, – вздохнула я. – Тогда другой вопрос. За что бабки требуют?

Подруга поморщилась и уставилась на меня, как будто прикидывая, стоит отвечать или нет.

– Сегодня позвонил какой-то тип, – неохотно начала она. – На рабочий телефон, так что номер не определился. И сказал, что моему будущему супругу будет интересно узнать, как я провожу время.

– Ты не запустишь в меня чашкой, если я спрошу: а как ты его проводишь? – настороженно спросила я.

– Я тебе не рассказывала, – глядя куда-то поверх моего плеча, ответила подруга. – Когда Серега заявил, что нам надо расстаться друзьями, потому что он полюбил другую, я познакомилась с парнем... Мне требовался мужчина рядом,

чтобы не нажить себе комплексов.

– Кто ж спорит, конечно, требовался, – поспешила согласиться я.

– Ну вот... пару раз мы встречались. А этот тип сегодня сказал, что у него есть фотографии. Я его к черту послала, а он по электронке скинул мне фотку.

– Откуда у него фотка? Вы где встречались-то?

– Фотка сделана на пляже. Мы прогуливались вечером, берег пустынный, ночь, луна и все такое... Ну я и расчувствовалась. Короче, я верхом на этом козле, и мою физиономию разглядеть несложно.

– Ну и что? Если он выложит ее в Интернет, неприятно, но не смертельно. Поговори с Серегой. В конце концов, в то время он пылал страстью к Чухонке, и высказывать претензии просто глупо.

– Человеку его положения большая радость узнать, что все, кому не лень, могут лицезреть его будущую жену в таком-то виде.

– Переживет. Впредь не станет заглядываться на чухонку. К тому же всегда можно сказать, что это фотомонтаж и враги мелко пакостят под дверь. Расскажешь о звонке своему Сереге, и он сам разберется с этим умником. У вас есть служба безопасности? Им и карты в руки, – сказала я, понемногу успокаиваясь.

Оказалось, вздохнуть с облегчением я поторопилась.

– Нет у нас никакой службы безопасности. И в Интер-

нет фотографию выкладывать никто не собирается. Просто предлагает купить.

– По мне, так лучше все рассказать Сергею.

– Да что ты заладила, – прошипела Милка, чертыхнувшись и продолжила: – Ладно, скажу как есть. Когда мы вернулись из Венесуэлы, мне позвонил Мишка. Тот самый тип, с которым я закрутила роман перед отъездом. Пришлось с ним встретиться, чтобы объяснить: на продолжение наших отношений ему рассчитывать не приходится.

– А по телефону сказать было нельзя?

– Чего ты цепляешься? Я хотела по-человечески... Он хорошо ко мне относился и вообще... между прочим, он классный любовник.

– Не сомневаюсь. И вы решили прогуляться вдоль реки, а тут луна, звезды и пустынный берег...

– Вот именно. Ну, я и решила, так сказать, напоследок...

– Это ты зря. Трахаться с одним мужиком, собираясь замуж за другого, опасно для замужества.

– Не грузи. Сама не знаю, что на меня нашло, – вздохнула Милка. – Он выглядел таким несчастным, было вполне естественно его утешить.

– Откуда Сереге знать, было это до поездки в Венесуэлу или после? Иногда и соврать не грех.

– Ага. Ты у нас умная, а я, конечно, идиотка, – скривилась Милка. – На фотке у меня волосы короткие, а подстриглась я после Венесуэлы.

– Упущение. – Милка недовольно хмурилась, и я заговорила серьезно. – Шантажисты очень привязчивы. Заплатишь один раз, не факт, что не придется во второй и в третий. Кстати, у тебя не возникло ощущения, что фотография появилась отнюдь не случайно?

– Возникло, конечно. После телефонного звонка я сразу же поехала к Мишке, он клянется, что ни сном ни духом. Я склонна ему верить. Он нормальный парень, и такие кренделя не в его духе. Думаю, кто-то случайно застукал нас на пляже и фотки сделал просто для прикола. А потом каким-то образом узнал, кто я. Мог в «Одноклассниках» меня увидеть.

– Допустим, мог.

– Вот. А потом пронюхал, что я выхожу замуж, и решил подзаработать.

– На фотке Мишку разглядеть можно?

– Нет.

– Тогда с чего шантажист решил, что это не твой будущий муж?

– Кто знает, что еще за фотографии у него на руках.

– Хочешь совет? – поразмыслив немного, спросила я. – Расскажи все Сереге. В конце концов, он тебе обязан. Должен простить.

– А если нет? Не забывай про Чухонку. Мужики такой народ: когда они шлются направо и налево, это ошибка направления, а когда мы – преступление века. Я столько натер-

пелась, что просто не могу рисковать.

– А сколько хочет супостат за фотографии, порочащие честь и достоинство?

– Тысячу баксов.

– Всего-то? – удивилась я. – Птица низкого полета. В самом деле, мог бы и больше потребовать, учитывая обстоятельства, а также будущего мужа-олигарха. Может, действительно какой-нибудь подросток, став случайным свидетелем чужого счастья, решил подзаработать? Могу безвозмездно пожертвовать бабки для восстановления твоего душевного спокойствия.

– Можно подумать, у меня не найдется тысячи баксов, – фыркнула Милка.

– Тогда неясно, чего тебе от меня надо. Советов не слушаешь, денег не берешь...

– Он назначил встречу, сегодня. В загородном парке. Велел приезжать одной. Но мне боязно. Я сказала, что буду с подругой. Он возражать не стал. Две бабы ему не опасны. А мне куда спокойнее, если рядом кто-то будет.

– Кто-то – это я?

– Конечно. Кто же еще? Кому я могу довериться? Опять же, никто из нормальных людей в двенадцать ночи в загородный парк не потащится, а тебе что ночь, что день, что парк, что центр города.

– Ага, – сказала я и на всякий случай кивнула.

– Ага, – передразнила Милка.

– Может, мне Славку задействовать? Поймаем твоего шантажиста и разъясим, чем должны заниматься по ночам интеллигентные люди.

– Только Славки не хватало. Давай еще в милицию заживим. Ты идешь со мной или нет?

– Иду, конечно, – ответила я.

Надо сказать, произнесла я это с отчаяния, уже сообразив, что отговаривать подругу бесполезно. Но к затее общаться с шантажистом душа не лежала. И не только потому, что я была убеждена: одной встречей дело не кончится, аппетит, как известно, приходит во время еды, а такие люди кушать хотят без перерыва. Было нечто в рассказе Милки, вызывающее смутную тревогу. Я поразмышляла над этим, пока пила кофе, но ни до чего так и не додумалась.

– Ладно, – сказала подруга, поднимаясь. – Заеду за тобой в одиннадцать. Что будешь делать до вечера?

– Ничего. Почему я должна что-то делать?

– С ума с тобой сойдешь, – махнула она рукой и зашагала к своей машине, которая была припаркована неподалеку.

Я расплатилась за кофе и еще немного посидела, наблюдая за прохожими.

Домой я возвращалась пешком, продолжая ломать голову: чем мне так не нравится эта история? Ясное дело, шантаж – штука скверная, следовательно, и история, связанная с ним, хорошей быть не может. Но речь, конечно, прежде всего

о моей подруге. Людмила Михайловна существо взбалмошное, темпераментное и нервное. И сейчас, по идее, должна заливаться слезами и гневаться на Господа, который так некстати решил наказать ее за прелюбодеяние. Не помню, чтобы она хоть раз в жизни согласилась с тем, что не права или в чем-то виновата. Впрочем, она и сейчас далека от этого. Так что все в порядке. А вот ее спокойствие выглядит несколько странно. Нервозность в ней ощущалась, но вызванная скорее моим скудоумием, а не опасением потерять возлюбленного из-за собственной глупости. Может, она уже успела и нареветься, и ногами потопать, а мне позвонила, все решив и успокоившись?

Тут у меня зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей, я увидела Милкин номер и поспешила ответить.

– Ты не вздумай сказать кому-нибудь о нашем разговоре, – ворчливо произнесла она.

– Сейчас начну развешивать объявления на столбах и заборах.

– Главное, Славке своему ни слова, не то непременно к нам охрану приставит. Мало того, что фоток лишусь, еще полгорода будет знать, что меня шантажируют.

– Славка не из тех, кто любит трепаться.

– Он, может, и не из тех. А его ребята? На каждый роток не накинешь платок. Короче, помалкивай. Я на тебя очень рассчитываю.

Последняя фраза меня доконала. Она точно не из лекси-

кона моей подруги.

– Большое горе меняет людей, – вздохнула я и зашагала быстрее.

До моего дома оставалось два квартала, когда телефон вновь затрезвонил, а я с сожалением вспомнила те времена, когда обходилась без мобильного. На этот раз звонила мама.

– Где ты? – сурово спросила она. Я прикинула, есть ли на мне какой грех, и с облегчением вздохнула, ни одного существенного не обнаружив.

– Иду по улице, – ответила я.

– Не мешало бы навестить родителей, – суровости в мамином голосе лишь прибавилось. – Мы дома, так что, будь добра, приезжай прямо сейчас.

– С чего такая срочность?

– Тебе надо, чтобы мать при смерти лежала? Иначе времени для меня не найдется? И добро бы ты была занята чем-то полезным...

Я развернулась в направлении родительского дома, слушая сетования родительницы по поводу своей непутевости. Задала пару наводящих вопросов и смогла выяснить, что ничего особенного в семействе не происходит, просто маме пришла фантазия провести очередную воспитательную беседу. Я хотела придумать неотложное дело и избежать нравоучений, но вовремя вспомнила, что не появлялась у родителей две недели. Слишком большой срок. Мама беспокоится: вдруг она потеряет квалификацию и беседа не получится.

ся особо впечатляющей. Родительским слабостям надо потакать.

Сообщив, что уже сажусь в такси, я сунула телефон в карман, и тут он вновь зазвонил. «Выбросить его, что ли?» – подумала я со злостью, но на дисплей на всякий случай взглянула, а вслед за этим поспешила ответить. Это был Славка. Если мама не могла прожить без нравоучений, то Славка не мог прожить без звонков. А если я не отвечала, способен был примчаться в мою коммуналку, бросив все дела, и, не обнаружив меня на месте, сидеть под дверью с самым несчастным видом. Это не способствовало душевному равновесию, более того, у меня возникала уверенность, которая раз от раза укреплялась, что я порчу ему жизнь. Оттого я и поспешила ответить, стараясь, чтобы голос мой звучал бодро и с намеком на большую радость.

– Как дела? – незамысловато начал он. Звонил он сегодня уже трижды и каждый раз с этим вопросом. Проблема в том, что у меня вовсе не было никаких дел.

– Иду к родителям, остро нуждаясь в указаниях, как жить дальше.

– Сочувствую, – хмыкнул Славка. – На всякий случай: если мама вдруг спросит, когда ты выйдешь замуж, сообщаю, что готов идти в загс хоть сегодня.

– Давай подождем до завтра, – предложила я.

– Я влюбился в чокнутую. Только чокнутая может отказать такому парню.

– Я уже четыре раза была замужем и считаю привычку регулярно наведываться в загс вредной.

Славка засмеялся, но как-то неуверенно.

– Как насчет романтического ужина? – спросил он.

– Годится. Но закончить его в объятиях друг друга вряд ли получится.

– Это еще почему?

– У меня есть дело сегодня вечером. Дела так редко появляются, что это я пропустить не могу.

– Вечером – это во сколько?

– В одиннадцать.

– И что за дело такое?

– Обещала подруге погулять с ее собакой. Ничего толкового мне не предлагают.

– Мы можем гулять с собачкой вместе, по-моему, это романтично.

– Собака считает иначе. Она терпеть не может новые знакомства. Меня, правда, тоже, но хозяйке на это наплевать.

– Ладно. Пусть будет просто ужин, потом ты отправишься на свидание с собакой, а я предамся мечтам о женитьбе. Большой дом, трое ребятишек и жена у плиты.

– Такая перспектива способна отбить охоту к замужеству даже у старой девы.

– Да брось ты, нормальные желания. Закажу столик на семь часов в «Дворянском собрании». Идет?

Я заверила, что совершенно счастлива, и вновь ускори-

лась. Конечно, проще взять такси, но беседы с мамой никогда не являлись моим любимым времяпровождением, и сейчас я решила, что надо подготовиться.

Мама открыла дверь и окинула меня критическим взглядом. Я растянула рот до ушей, сняла кроссовки и поцеловала ее. Поцелуй был воспринят благосклонно, а вот мой внешний вид маме не понравился.

– Ефимия, девушке твоего возраста следует выглядеть элегантно. Не хочу тебя огорчать, но время джинсов и маечек прошло безвозвратно.

– Ерунда, – услышала я папин голос, а вслед за этим он появился в холле, обнял меня и сказал: – Ты прекрасно выглядишь.

– Ничего подобного, – отрезала мама. – Твоя дочь выглядит оборванкой.

– Красивой девушке все к лицу, даже драные джинсы. – Папа был настроен благодушно, и я решила, что желание срочно меня видеть не связано с намерением изводить меня бессмысленными разговорами, по крайней мере, папа сегодня к этому не расположен. Он повел меня в столовую, обняв за плечи, мама следовала позади.

Столовая в родительской квартире огромная, круглый стол возле французского окна слегка в ней терялся.

– Мой руки и садись обедать, – велела мама.

Папа занял место у окна, а я побрела в ванную. Когда вернулась, мама ставила супницу с ангелочками на крышке. Да-

же сваренные на скорую руку пельмени мама подавала на стол в этом фаянсовом чуде. «В семье должны быть традиции», – любила повторять она. Считалось, что супница принадлежала моей прабабке. Я искренне в это верила, пока папа не проболтался, что накануне свадьбы они с мамой купили ее на блошином рынке. Сестрица Агата отпускала по этому поводу язвительные замечания, а мне супница по-прежнему нравилась. Что касается традиций в семье, так их и без супницы было за глаза. Например, вкушать пищу следовало молча. К разговорам переходили только за чаем. Мне это казалось весьма разумным. Но сегодня мама совершила нечто из ряда вон выходящее.

– Агате требуется помощник, – сказала она, со значением глядя на папу. Тот делал вид, что маминых слов не слышит. Я решила последовать его примеру. Но маму это не остановило. – Уверена, ты вполне справишься с этой работой, – продолжила она. Теперь ясно, зачем меня так срочно хотели видеть. До сего дня я работала дворником, мама хоть и любила повторять «все работы хороши», но всерьез в это не верила и не теряла надежды приохотить меня к иному виду деятельности.

– Агатка тоже уверена? – серьезно спросила я.

Мама поморщилась.

– Она должна думать о сестре, в конце концов.

– Точно. Я тоже должна. Поэтому пусть она возьмет в помощники кого-нибудь другого.

– А что Слава думает по поводу твоей работы? – посуровела мама.

– Он считает, что от меня родному городу существенная польза.

– Он просто потакает твоим глупостям. Если бы его намерения были серьезны, он подыскал бы тебе место в своей фирме.

– Он пытался. Но ни одно мне не приглянулось. Работа на свежем воздухе полезна для здоровья.

– Я сама с ним поговорю, – заявила мама.

– Лучше не надо. Тем более что с работы мне, скорее всего, придется уйти. Славка консервативен и считает, что жена должна котлеты жарить, а не торчать в офисе.

Родители быстро переглянулись.

– Он сделал тебе предложение? – настороженно спросила мама, должно быть, боясь поверить в такое счастье.

– Ага, как раз когда я к вам направлялась.

– Он что, сделал тебе предложение по телефону? Мне не понять современных нравов, – мама вновь нахмурилась, но тут же подобрела. – Что ты ответила?

– Я подумаю.

– Только не затягивай. Он может решить, что ты не уверена в своих чувствах.

– Говорит, готов ждать хоть всю жизнь.

– Еще одна глупость. В твоем возрасте я уже была матерью...

– Августа... – подал голос папа.

Мама в сердцах махнула рукой.

– От твоих дочерей внуков не дождешься. Одна четыре раза замужем и все без толку, вторую просто замуж никто не берет.

– Что ты говоришь? – возмутился папа, но как-то неубедительно. В словесных баталиях с мамой его шансы равнялись нулю, о чем он знал совершенно точно.

– Выходи замуж или найди себе приличную работу, – отрезала мама, я согласно кивнула и уткнулась в тарелку.

После чаепития папа отправился в кабинет, и я поспешила за ним, рассудив, что сразу покидать родительский дом невежливо, по крайней мере, мама решит именно так. Папа устроился на диване и похлопал рукой рядом с собой, предлагая к нему присоединиться. Я обняла отца, а он поцеловал меня в макушку и спросил:

– Ты его любишь?

– Славку? – на всякий случай уточнила я.

– По-моему, он приличный парень.

– По-моему, тоже.

– Но ты его не любишь?

– С чего ты взял? Просто не уверена, что из меня получится хорошая жена.

– Не сердись на маму, она желает тебе добра. А с замужеством не торопись. Я не встречал влюбленную женщину, раздумывающую, стоит ли ей принять предложение, даже если

она сомневается, что будет хорошей женой.

Наверное, папа, как всегда, прав. Я не спешу замуж, и тому, должно быть, есть причина. Хотя к Славке я испытывала куда более сильные чувства, чем к предыдущим мужьям. И он доказал свою любовь. Не так давно был готов расстаться с миллионом долларов, лишь бы некие граждане с дурными манерами оставили меня в покое¹. Я попыталась представить нашу с ним совместную жизнь. Выходило так себе. То ли фантазия убогая, то ли для ведения совместного хозяйства я не гожусь.

У родителей я пробыла дольше, чем собиралась, и, покидая отчий дом, прикидывала, стоит заскочить в свою коммуналку, чтобы переодеться, или сразу отправиться в ресторан. «Дворянское собрание» – такое место, куда в джинсах девушке лучше не являться, с другой стороны, вечернее платье требовало прически и макияжа, а это значит, что опоздаю я минимум на час. Вряд ли это сделает Славку счастливее. В общем, потоптавшись немного возле стоянки такси, я в конце концов отправилась в ресторан. Швейцар взглянул на меня с печалью.

– У нас сегодня спецобслуживание, – сахарным голосом сообщил он.

– Вы не поверите, но меня здесь ждут, – улыбнулась я,

¹ Подробно об этом читайте в романе Татьяны Поляковой «И буду век ему верна?», издательство «Эксмо».

пытаясь отгадать, что задумал Славка. Пока парень размышлял, как отнестись к моим словам, в холле появился Вячеслав Александрович с большим букетом и счастливейшей улыбкой. Дорогой костюм, белоснежная рубашка, галстук и запонки с бриллиантами. Мечта любой девушки. Придраться не к чему, даже если б у меня была охота.

– Здравствуй, дорогая, – произнес он и всучил мне букет.

Швейцар поспешил отойти в сторонку с некоторым недоумением во взоре. Должно быть, в его голове не укладывалось, что такой парень, как Славка, мог найти в девице вроде меня. Неразрешимая загадка, которая, кстати, и меня тревожит.

Мы прошли в зал, где вдоль стены с торжественными лицами замерли официанты.

– Других посетителей не предвидится? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Я обещал романтический ужин.

– Не помню, я обещала вырядиться в вечернее платье или нет?

– Ты относишься к тому типу людей, у которых слова вечно расходятся с делом, – засмеялся он.

– Ага. Чтобы слова не расходились с делом, надо молчать и ничего не делать.

– Я уже слышал эту остроту.

– От меня?

– От кого-то другого, но это не важно.

Подскочивший официант забрал у меня букет, вскоре вернулся с вазой и торжественно водрузил ее на стол. Славка поглядывал на меня с веселым озорством, не выдержал и засмеялся.

– Чего тебе так весело?

Он перегнулся ко мне и шепнул:

– А ты посмотри на их лица.

– Да уж, мог бы найти девушку и получше.

– Сомневаюсь. То есть я абсолютно уверен: искать замучаешься. Да и ни к чему. Для меня существует только одна женщина.

– Может, ты займешься салатом, а я метнусь домой переодеться, чтоб соответствовать моменту?

– Мне нравятся твои джинсы.

– Слава богу. Я предложила из вежливости. По какому случаю шикуем?

– Решил сделать официальное предложение руки и сердца.

– Предупреждать надо. Тут без вечернего платья никак нельзя.

– Не комплексуй и проникнись торжественностью момента, – усмехнулся Славка. – Нас снимают скрытой камерой.

– Шутишь?

– Еще чего. Через двадцать пять лет будем смотреть эту запись со слезами умиления на глазах.

– Милый, все это так неожиданно, – всхлипнула я, выти-

рая концом скатерти несуществующие слезы.

– Веди себя прилично, эту запись будут смотреть наши дети. Какой пример ты им подаешь? – Славка достал из кармана бархатный футляр и протянул мне. – Надеюсь, с размером я не ошибся.

Я открыла коробочку, изобразила восторг, не выдержала и засмеялась.

– Нравится? – поинтересовался он.

– А носить обязательно?

– Фенька, ты свинья.

– Что скажут наши дети?

– Ладно, кольцо полная хрень. Выбрось его, завтра купим другое.

– Да ладно, и это сгодится, – сказала я и опять засмеялась.

Славка покачал головой.

– Я в первый раз делаю девушке предложение.

– В пятый, – поправила я.

– Точно. Но девушка одна и та же. В пятый ты просто обязана согласиться.

– Да я и в предыдущие четыре была не против.

Он поднялся, скроил забавную физиономию, обошел стол и опустился передо мной на колени.

– Фенька, я тебя люблю. Выходи за меня замуж.

– А бриллианты настоящие?

– Дареному коню в зубы не смотрят. – Он надел кольцо мне на палец и вздохнул с облегчением. – Подошло. Мне еще

долго на коленях стоять?

– Уважающая себя девушка должна подумать.

– Полминуты тебе хватит?

– За глаза. Я согласна. Дети, ваш папа придурок, но мне нравится.

– Ну наконец-то, – хмыкнул Славка, поднялся с колен и отряхнул брюки.

Официанты наблюдали за нашим дуракавалянием с исключительно серьезными лицами. Один из них подошел и разлил шампанское в бокалы.

– За нас, – сказал Славка.

Некоторое время мы ужинали молча. Горели свечи, играла музыка, а я думала о том, что должна быть счастлива. Симпатичный парень с золотым характером сделал мне предложение, и я сказала «да». Впрочем, не в первый раз я это сказала и даже не во второй. Остается лишь надеяться, что Славка об этом не пожалеет. «Не о том должна думать влюбленная девушка», – попеняла я себе, и вдруг стало грустно.

Я поспешила вернуть себе хорошее настроение. Все просто отлично. Славка меня любит, я его тоже. Кажется. Выйду замуж, рожу ребенка, порадую родителей. В жизни появится смысл. Ребенок куда лучше бродячих собак, в чьей компании я совсем недавно проводила ночи, когда тоска гнала меня прочь из дома. Славке следует сказать спасибо. Теперь вечера я провожу с ним. Мы подолгу болтаемся по улицам

или сидим в ресторане. Бывает, что он готовит ужин в моей коммунальной кухне, и тогда прогулкам мы предпочитаем вечер перед телевизором. Иногда Славка остается ночевать, но чаще уезжает к себе, по его словам, боится мне надоесть. За эти месяцы я так к нему привыкла, что теперь довольно трудно представляю жизнь в одиночестве. Хотя раньше как-то справлялась.

– У родителей все нормально? – спросил он. – Как думаешь, я должен просить у них твоей руки?

– Не обязательно. Они так счастливы сбыть меня приличному человеку, что обойдутся сообщением по телефону.

– С Агатой виделась?

– Сегодня нет. Маме пришла фантазия пристроить меня к ней на работу, думаю, Агатка от радости пьет успокоительные капли.

– На работу? Кем?

– Помощником.

– А что, по-моему, разумно. У тебя ведь юридическое образование, и с работой помощника адвоката ты справишься, а там... как знать, может, тебя ожидают лавры непревзойденного защитника.

– Ну уж нет. Лучше я буду улицу мести или тебе котлеты жарить.

– Я совсем не против котлет. Хотя уверен, такой девушке, как ты, в четырех стенах будет тесновато.

– С предыдущих мест работы меня уволили за выдающую-

юся лень. В этом мне нет равных.

– Я бы мог...

– Знаю. Но я буду либо дворником, либо никем.

– Ты ужасно упряма, но я все равно люблю тебя.

– Спасибо.

– Я ожидал другого ответа, – помедлив, сказал Славка, получилось чересчур серьезно. Он тут же улыбнулся, отводя взгляд. – А что у тебя за свидание сегодня?

– Я же сказала.

– Нет, серьезно.

– Если серьезно, то это страшная тайна.

– Теперь мне не спать всю ночь, – засмеялся он.

– Ревнуешь?

– Еще как. Он молод, красив, умен?

– Глуп, уродлив и беден.

– Тогда, может, пошлешь его к черту?

– Не могу.

Славка взглянул на часы.

– Ты сказала, встреча в одиннадцать?

– Ага.

– Предлагаю перейти к десерту. Потом поедem к тебе или ко мне?

– Лучше ко мне, – кивнула я.

По непонятной причине Славкину квартиру я терпеть не могла. Огромная, метров двести, отделанная с шиком, дизайнер потрудился на славу. Как я буду жить в ней, для ме-

ня загадка. Еще одна неразрешимая проблема, потому что, ясное дело, после регистрации брака придется переезжать к Славке – вряд ли он согласится жить в моей коммуналке. А жаль. Должно быть, я так привыкла к одиночеству, что боюсь перемен. И покидать свою квартиру тоже боюсь. Психологи наверняка нашли бы этому объяснение. Ладно, какая разница, где жить? И к Славкиным хоромам я в конце концов привыкну.

От десерта я отказалась, и Вячеслав Александрович тоже. Вскоре мы уже покидали ресторан, вызвав недоумение на лицах официантов.

– Где машина? – спросила я, выйдя на улицу и оглядываясь.

– Вот, – кивнул он на припаркованный возле дверей «Мерседес».

– У тебя новая машина? – удивилась я.

– У тебя, – улыбнулся он и протянул мне ключи. – Держи. Старую сдай в металлолом. Хочешь, я сдам, чтоб тебе не возиться?

– Это что, свадебный подарок? – проявила я интерес, обходя машину по кругу.

– Смеешься? Я богатый парень. Чтоб я дарил своей любимой в светлый праздник всякую ерунду!

– О господи, – фыркнула я. – Теперь ломай голову, до чего ты додумаешься.

– Тебя ожидает как минимум луна с неба.

– Луна – общее достояние. Не лишай людей мелких радостей.

– Ладно, садись за руль, – махнул рукой Славка.

Будь я девушкой благодарной, завалилась бы на асфальт в счастливом обмороке. Впрочем, Славку бы это скорее напугало. Сев на водительское место, я огляделась, потом подмигнула своему спутнику:

– Пристегните ремни, мы взлетаем. – И не спеша тронулась с места.

Две соседки, что стояли у моего подъезда, проводили машину заинтересованными взглядами.

– Здравствуй, Феня, – громко сказала Софья Петровна, дождавшись, когда я выйду из машины.

– Здравствуйте, – ответил за меня Славка, я ограничилась кивком.

– Здравствуйте, Вячеслав Александрович, – тут же откликнулась бойкая старушка.

– Как здоровье? Как внуки? – спросил он.

– Спасибо, хорошо. Феня, соседка твоя прибежала.

– Дуська?

– Ага. Деньги оставила. У Николаевых.

– Утром зайду.

– Что еще за деньги? – спросил Славка, поднимаясь по лестнице.

– Все-то тебе интересно.

– Все, что касается тебя.

– Я в мае за Дуську работала, убирала в одном доме в пригороде, пока она на своей даче грядки копала. Вот она и решила, что мне задолжала.

– В мае?

– Ага. Я все собиралась к ней заехать, да лень было, она не выдержала и привезла деньги сама.

– Все-таки ты загадочная женщина, – усмехнулся Славка, ожидая, когда я открою дверь.

– В смысле, что за деньгами не торопилась? Так не в них счастье.

– В другом смысле. Вот зачем тебе, к примеру, убирать в каком-то доме за три копейки?

– Во-первых, не за три, а во-вторых, Дуська не хотела потерять работу, но остро нуждалась в огурцах. А мне ничего не стоило дважды в неделю вымыть за нее полы.

– И это говорит человек, называющий себя лентяйкой. А почему Дуська комнату не сдает?

– Потому что один тип платит ей ежемесячно деньги за то, чтобы она этого не делала. Хотя его об этом никто не просил.

Славка засмеялся и заключил меня в объятия.

– Она проболталась?

– Конечно.

– А что прикажешь делать? Ко мне ты переезжать не спешишь, а посторонние граждане чересчур обременительны для моих нервов.

Он подхватил меня на руки и понес в комнату, я немного подрыгала ногами, а потом укусила его за ухо.

Без четверти одиннадцать зазвонил телефон, Славка досадливо поморщился, а я поплелась в прихожую, сняла трубку и услышала Милкин голос:

– Ты одна?

– Нет.

– Кто у тебя?

– Славка. Сливаемся в экстазе.

– Черт, я же просила никому не говорить.

– Молчу, как партизан. Чего ты ерзаешь?

– Ты правда ничего ему не сказала?

– Конечно.

Голос подруги звучал как-то чересчур напряженно. Встреча с шантажистом – событие выдающееся, но уж больно она на меня сердита. Хотя, наверное, дело в том, что шантажист далеко, а я под руку подвернулась. Вот Милка и психует. По моему мнению, тысяча баксов того не стоит. Впрочем, речь не о деньгах, а о замужестве, к которому Милка так стремилась и которое из-за ее глупости могло не состояться.

– Но ведь ты должна объяснить ему, куда идешь в такое время, – заныла она.

– Я его такими вещами не балую.

– Ладно. Жду тебя возле гастронома. Гони любовника в шею и выдвигайся на позиции.

– Он почти что муж.

– Да ну?

– Стоял на коленях с цветами и кольцом.

– По дороге расскажешь.

Я вернулась в комнату, голый Славка сидел на диване и взирал на меня с унылым видом.

– Скажи на милость, что у тебя за дела в такое время? – проворчал он.

– Секретные. Если хочешь, оставайся. Не думаю, что это надолго, – предложила я, натягивая джинсы.

– Нет. Поеду домой. Хоть выплусь. На твоём дурацком диване это совершенно невозможно.

– А я-то надеялась, что с этим диваном связаны лучшие воспоминания твоей жизни.

– Так и есть, – кивнул он, взял меня за руку и притянул к себе. – А твоей?

– Само собой, – ответила я и оказалась на его коленях, заподозрив, что Милка будет ждать меня напрасно. Решительно отстранилась и заявила: – Выметайся.

– Где тебе надо быть? – спросил он с улыбкой.

– Возле гастронома.

– Отвезу тебя и поеду спать.

– Здесь пешком всего ничего.

– Лишних пять минут побудем вместе.

Он быстро оделся, я успела сварить кофе и выпила его в спешке, оттого без удовольствия.

– Не забудь ключи от машины, – напомнила я уже в дверях.

– Это твоя машина. Я поеду на такси.

– Любишь ты усложнять себе жизнь, – хмыкнула я.

Во дворе чинно прогуливались старушки. Стемнело, но напротив подъезда горел фонарь, а вечер выдался по-летнему теплый. Мы побрели в сторону троллейбусной остановки, взявшись за руки. Славка шагнул с тротуара и махнул рукой, останавливая машину, назвал адрес и устроился на заднем сиденье рядом со мной. Через минуту мы оказались возле гастронома.

– Веди себя прилично, – сказал Славка, целуя меня.

– А ты не вздумай подглядывать.

Я вышла из машины, дождалась, когда отъедет, и осмотрелась. Милкиной тачки поблизости не наблюдалось. Я прошлась по тротуару, вертя головой во все стороны. Наконец ее машина вывернула из переулка, дверца открылась, а я быстро села на переднее сиденье.

Милка с сосредоточенным видом тарасилась на дорогу. Несмотря на позднее время, движение было оживленным.

– Ты правда ничего ему не сказала? – спросила она, не поворачивая головы.

– Задолбала.

– Для меня это очень важно. Скажи честно, ты о нашем разговоре кому-нибудь проболталась?

– С какой стати?

– Точно никто не знает? Не врешь?

– Я не вру по пустякам.

Устраиваясь поудобнее, я повернула голову и увидела на заднем сиденье бейсбольную биту.

– Ни хрена себе, – присвистнула я. – А это зачем?

– На всякий случай, – скривилась Милка. – Надо что-то иметь под рукой. Место он выбрал глухое. И, честно скажу, мне это не нравится.

– Так, может, не стоит туда ехать?

– У меня нет выбора.

– Если надумаешь дать ему по башке, предупреди заранее, чтобы я смотрела в другую сторону. Как несостоявшийся юрист могу сообщить: мое присутствие на месте преступления классифицируется как соучастие. Доказывай потом, что я ни ухом ни рылом.

– Типун тебе на язык, – фыркнула подруга. – Лучше расскажи, что там Славка. Сделал предложение?

– Ага.

– А ты?

Я лениво рассказывала, глядя в окно, а Милка время от времени невнятно мычала. Вот только слышала ли что-нибудь, еще вопрос.

За окном мелькали огни города. Мы проехали мост. Впереди темнела лесополоса, так называемый Загородный парк. В теплое время года здесь даже по вечерам бродил народ – собачники, парочки и просто любители пеших прогулок.

Милка притормозила возле въезда, где горели фонари и гирлянды на ближайших елках – снять их после Нового года никто не потрудился, о чем я нисколько не жалела. Разноцветные огоньки создавали праздничное настроение.

– Пойдем пешком? – спросила я.

– Вот еще. Просто до двенадцати полно времени. Подождем здесь.

Милка смотрела вперед, не в такт постукивая по рулю обеими руками.

– Кончай ерзать, – вздохнула я. – Заберем мы твои фотки.

– Ага. А если он явится не один? Деньги возьмут, а фотки себе оставят?

– С таким настроением лучше дома сидеть, – хмыкнула я, хоть и была вынуждена согласиться с тем, что такое развитие событий вполне вероятно. – Может, вообще не стоит с ним встречаться?

Милка ничего не ответила, взглянула на часы и завела машину. Асфальтовая дорога обрывалась возле кафе, дальше, вдоль реки, шла песчаная. Фонари остались далеко позади, деревья подступали с двух сторон. Настоящий лес, и соваться сюда в такое время никому из граждан в голову не придет.

Свет фар вырвал из темноты табличку «Лыжная трасса». Стрелка указывала вправо, здесь была развилка. Людмила Михайловна, чуть замешкавшись, поехала дальше. Лес внезапно кончился. Впереди, там, где река делала петлю, чернели кусты. Кто бы ни был шантажист, а место выбрал гра-

мотно. Приди кому-то в голову сопровождать нас, он это заметит сразу. Будь то на машине или пешком, а подобраться незаметно вряд ли получится.

Прямо над нами висела луна, придавая пустынной местности сказочное очарование.

– Красотища, – заметила я, желая придать подруге бодрости.

Она ничего не ответила, по едва заметной дороге следуя к реке. Наконец машина замерла у ближайших кустов.

– Никого нет, – сказала Милка вроде бы даже с обидой.

– А ты с местом ничего не напутала? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– Не напутала. Где этот стервец?

– Должно быть, сидит в кустах и за нами наблюдает. Надоест, покажется.

Милка зябко поежилась, выключила фары. Глаза быстро привыкли к темноте, впрочем, света луны вполне хватало, чтобы различать заросли кустарника и дорогу, спускавшуюся к реке.

– Пора бы ему появиться, – заметила Милка.

Я попробовала развить тему, но подруга не поддержала разговор, то и дело смотрела на часы и продолжала оглядываться по сторонам. Прошло минут пятнадцать.

– Может, он и не собирался приходить? – сказала я. – И это просто дурацкий розыгрыш?

– Фотка вовсе не розыгрыш. Подождем еще немного. Не

появится, так позвонит. Если о деньгах говорил всерьез.

Выдержав еще минут пять, я распахнула дверь машины.

– Куда ты? – испугалась Милка.

– Пройдусь немного.

– Спятила?

– Может, он решил, что в твоей тачке засела рота спецназа.

Я вышла, потопталась немного возле машины, прислушиваясь к тишине, а потом не спеша направилась к реке. Очень скоро я оказалась на берегу. Лунный свет отражался в воде, и я невольно залюбовалась этим зрелищем. Дорога делала плавный поворот и дальше шла возле самой кромки воды. Летом здесь обычно много купальщиков, ищут места живописней, подальше от цивилизации. Я присела и немного поразвлекалась художественным свистом. А потом услышала, как хлопнула дверь машины. Наверное, Милке надоело одиночество, и она решила присоединиться ко мне. Я ожидала, что подруга окрикнет меня, но ей это в голову не пришло.

Нехотя поднявшись, я побрела к машине. Ее темный силуэт я увидела, как только поравнялась с кустами, и начала высматривать Милку. Возле машины ее точно не было. Это слегка удивило.

– Милка, – позвала я. Ни звука. Я зашагала быстрее, поравнялась с машиной и распахнула водительскую дверь. Пусто. Бита с заднего сиденья исчезла. – Эй, ты где? Кончай

дурить.

За спиной послышался шорох. Только я хотела оглянуться, как на голову мне обрушилось что-то тяжелое. Я охнула и повалилась в траву, успев подумать: «Не в первый раз мне дают по башке».

В себя я пришла от холода. Трава была влажной, и футболка успела намокнуть. Я приподняла голову, взвыла от боли и попыталась сесть. Не сразу, но это удалось. Луна переместилась и теперь огромным шаром висела над рекой. Вцепившись в дверцу машины, я поднялась и попробовала оглядеться. Голова нещадно болела, но соображать я уже начала. И на ногах держалась не то чтобы уверенно, но держалась. Значит, шантажист все-таки появился? И не придумал ничего лучше, как двинуть мне по затылку! Я пощупала голову: крови вроде нет, зато шишка уже вылезла. Милка... черт... где Милка-то? Я хотела позвать ее, вместо крика вышло какое-то шипение. Откашлявшись, я попробовала еще раз. То, что она молчит, здорово напугало. А если шантажист и с ней обошелся невежливо? Черт... «В прошлый раз, когда мне двинули по башке, я очнулась рядом с трупом», – в панике подумала я.

Ключ торчал в замке зажигания. Я посигналила, один раз, другой, третий. В тишине звук показался оглушительно громким. Где бы ни находилась подруга, она просто обязана его слышать. Если она все еще здесь. Представить, что

Милка сбежала, оставив меня и свою машину с ключами, было выше моих сил даже при такой головной боли. Вывод один: ответить она не в состоянии. Эта мысль заставила меня шевелиться. Очень не хотелось отходить от машины, где я могла устроиться с удобствами и дожидаться момента, когда окружающий мир перестанет скакать в диком канкане, а мозги заработают. Однако теперь я была уверена, что подруга нуждается в моей помощи, отлепилась от машины и сделала несколько шагов. Подумала встать на четвереньки (для большей устойчивости) и потрясти головой (для прояснения сознания), но не рискнула, заподозрив, что подняться уже не смогу. В общем, я шла, покачиваясь и спотыкаясь, и кричала то и дело как могла громко: «Милка!» – в надежде, что подруга откликнется и найти ее окажется не в пример легче. Я двигалась по дороге к реке, потому что это самый удобный маршрут – идти по полю, заросшему травой, с кочками и ямами, я не в состоянии. Сквозь клочья тумана, каким бы он ни был, реальным или кажущимся из-за замутненного сознания, я наконец увидела блестящую поверхность воды и возле самой кромки заметила что-то белое. Сердце екнуло, потому что я вдруг вспомнила, что Милка была в светлой блузке. Кубарем скатившись к воде, я убедилась, что это в самом деле Милка. Она лежала лицом вниз, нижняя часть тела на берегу, руки раскинуты в стороны, голова в воде. Волосы слабо шевелились в лунном свете. Картина была до того нереальной, что в первое мгновение я решила: это про-

сто ночной кошмар. Стоит распахнуть глаза пошире, как я непременно проснусь и этот ужас навсегда исчезнет. Но моим надеждам не суждено было исполниться: сколько я ни таращила глаза, а видела одно и то же: неподвижное тело по-други в лунном свете.

– Черт, – пробормотала я, собравшись с силами, выволокла ее на берег и перевернула на спину. Застывший взгляд, распахнутый в немом крике рот.

– Черт, – повторила я и попыталась привести ее в чувство, понимая всю бесполезность своих действий. Я очень хорошо знала: живой человек не выглядит так страшно. Но поверить в то, что Милки, веселой, жизнерадостной, смешной и невероятной деятельной, больше нет, я была не в состоянии и еще некоторое время продолжала, как могла, делать искусственное дыхание, а потом сидела рядом, свесив голову на грудь, и боялась еще раз увидеть ее лицо, чужое, отстраненное.

Не знаю, сколько я так сидела – пять минут, десять или полчаса. Меня трясло, то ли от холода, то ли от ужаса, я попыталась подняться, и тут наконец в голову пришла вполне здравая мысль, которая до той поры меня не посещала. Я пошарила в карманах джинсов. Мобильный оказался на месте. Я набрала номер, очень надеясь, что со связью здесь проблем не возникнет. Вызвала «Скорую», а потом милицию, путано объяснив, где нахожусь. Судя по реакции граждан, с которыми я разговаривала, они решили, что я либо пьяная, либо вовсе не в себе, однако я все-таки надеялась, что на мой

зов откликнутся. Стоя на коленях, я умылась и, зачерпнув воды ладонью, долго пила, не обращая внимания на странный привкус. Мысли все еще путались, но чувствовала я себя все-таки лучше, должно быть, поэтому вспомнила об Агатке. Моя история, в лучшем случае, вызовет недоумение. Ночь, Загородный парк, захлебнувшаяся подруга и я в состоянии протрации. Я набрала номер сестры. Бесконечные гудки, а потом гневный голос:

– Ты что, спятила?

– Если бы, – невесело хмыкнула я.

– Слушай, припадочная, мне вставать в семь утра, твои привычки мне известны, но нормальные люди по ночам спят.

– Я бы тоже с радостью уснула, – ответила я. – И не просыпалась бы подольше.

– А что мешает? – насторожилась Агатка.

– Милка погибла, – сказала я и только в тот момент по-настоящему поняла, что произошло.

– Как погибла? – растерялась Агатка. – Авария?

– Нет. Ее убили.

– Кто убил? На всякий случай хочу предупредить...

– Я не шучу, – перебила я. – Может, сестра у тебя и дура, но не до такой степени. Выпей капли и рви сюда. Похоже, мне нужна помощь адвоката.

– Да что случилось? – заорала Агатка так, что я невольно поморщилась и отдернула руку с телефоном подальше от уха.

– Кто-то убил Милку, а я схлопотала по башке. Загородный парк, дорога к лыжной трассе. Увидишь ее машину, как только выедешь из леса.

Я дала отбой, легла рядом с Милкой, взяла ее холодную ладонь в руки и подтянула колени к подбородку. Время точно остановилось. Жаль, что его нельзя повернуть назад. Я бы ни за что не вышла из машины, не оставила Милку одну... Зачем я вообще ее послушала? Надо было сказать Славке, кому угодно... Тогда об опасности я не думала. Придурок-шантажист, который боится куда больше, чем мы, и выбрал это место в надежде, что здесь он в относительной безопасности. И вот как все обернулось...

Я услышала шум приближающейся машины и подняла голову. Сквозь кусты пробивался свет фар. Машина остановилась, хлопнули двери, а я, собравшись с силами, крикнула:

– Спускайтесь к реке.

Села, обхватив колени руками, и стала ждать. Друг за другом по дороге спустились четверо мужчин. Встали полукругом, один наклонился к Милке, пробормотал что-то, и все четверо уставились на меня.

– Привет, – сказала я первое, что пришло в голову.

– Это вы ее нашли? – откашлявшись, спросил один из мужчин.

– Мы вместе приехали.

– Знакомая?

– Подруга.

– Ага. И чего не поделили?

– С ней нам делить было нечего.

– Значит, просто поскандалили? – не унимался парень.

Мне вдруг стало смешно, хотя какой уж тут смех. Они решили, что Милку утопила я. Вполне предсказуемо, выходит, не зря я Агатке позвонила.

– Для того чтобы скандалить, ехать сюда необязательно, – все-таки ответила я.

– Ладно, разберемся, – вздохнул один из мужчин, но как-то чувствовалось, что разбираться ему совсем не хочется.

Подъехала еще машина. Народ прибывал. Я переместилась ближе к дороге, чтобы не мешать. Один из мужчин топтался рядом, должно быть опасаясь, что сбегу. Наконец появилась Агатка. Милку как раз укладывали в пластиковый мешок. От этого зрелища меня начало выворачивать наизнанку, и я бросилась в кусты. Вот тогда и услышала голос сестрицы.

– Кто тут главный?

К тому моменту, когда я выползала из кустов, таковой отыскался. Агатка стояла рядом с высоким седоволосым мужчиной и что-то ему втолковывала, тихо, но внушительно. Он время от времени кивал в ответ, потом подошел ко мне и устроился на корточках, Агатка замерла рядом.

– Как вы? – спросил мужчина.

– Фигово, – ответила я правду.

– Сможете рассказать, что произошло?

И я начала рассказывать.

Домой я вернулась только к обеду, едва живая от усталости. Это было спасением. После ночных событий я вряд ли смогла бы уснуть, но силы человеческие не безграничны, и, войдя в свою комнату, я рухнула на кушетку, закрыла глаза и мгновенно провалилась в беспамятство. Мне снилась Милка, живая и веселая.

– Вот это приключение, – говорила она, а я злилась:

– Дура ты, дура. – А она вдруг начала хохотать, и я подумала: если подруга смеется, значит, все нормально, и мешок, в который ее запихнули, чья-то глупая шутка.

Я пошевелинулась, открыла глаза и сразу поняла, что шутить никто не собирался. В кресле сидел папа и смотрел на меня с печальной улыбкой. Приходилось признать: родителям со мной не повезло. Неприятности ко мне липнут или я к ним, поди разберись. Впрочем, назвать гибель Милки неприятностью мог лишь человек с весьма странным чувством юмора.

– Тебе надо в больницу, – сказал папа.

– Не надо, – ответила я и поморщилась.

В комнате появилась мама, села на край кушетки и сказала сердито:

– Почему ты ее не остановила?

– Августа, – нахмурился папа.

– Что Августа? У твоей дочери вместо головы кочан капусты. Это надо же додуматься, ехать с этой чокнутой среди ночи в какое-то гиблое место, никому ничего не сказав. Чему тебя только учили...

– Августа... – повысил голос папа.

– О господи, – махнула мама рукой и обняла меня. – Голова болит?

– Вроде нет.

– Вроде... у тебя сотрясение мозга. Если бы думала о родителях, осталась бы в больнице.

Тут в комнату вошла Агатка с чашкой чая в руках, протянула ее мне и встала за спиной отца.

– Я бы послушала родителей и занялась своим здоровьем, – сказала она.

– Лучше бы ты втолковала своей сестре, что связываться с шантажистами – опасная глупость, – вскинулась мама.

– Ну вот, теперь я виновата, – закатила сестрица глаза.

– Черт знает что... – вздохнула мама. – У людей дети как дети, а у меня...

– Августа...

– Да замолчи ты. Это счастье, что она жива осталась. Ты понимаешь, что едва не лишился дочери, а все потому, что она дура набитая? Ладно, поехали домой, – повернулась ко мне мама. – Не хочешь в больницу, придется нанимать сиделку.

– Вот только этого не надо, – слабо вякнула я.

– Поговори еще...

Мысль о водворении, хоть и на время, в родительскую квартиру вызывала тихий ужас. Мама теперь долго не успокоится. Я не против того, чтобы послушать рассуждения на тему о ее глобальном невезении: и внуков от нас не дожدهшься, и с личной жизнью непорядок, Агатка все никак замуж не выйдет, а я выхожу часто, но ненадолго. К тому же то и дело влипаю в истории. И это притом, что отец у меня прокурор области, а мама занимает крутой пост в администрации, и неприятности с дочуркой им нужны так же, как мне геморрой. Однако как бы я ни сочувствовала маме, соглашаясь, что все претензии вполне обоснованны, ее возмущенные вопли долго не вынесу. К счастью, папа это понял.

– Оставь ее, – тихо, но твердо произнес он.

Мама могла очень долго испытывать отцовское терпение, но четко понимала, когда следовало остановиться. И сейчас пошла на попятный.

– Не можешь ты в такое время оставаться одна.

– Очень даже могу, – пробубнила я и тут же нарвалась:

– Свинья неблагодарная.

– Мама, – влезла Агатка. – Поезжайте с папой домой, а я останусь. Если Фимке станет хуже, вызову «Скорую», а сейчас ей надо просто отлежаться.

– Конечно, родительский дом для этого самое неподходящее место. Идем, Константин Викторович, – поднимаясь, сказала мама. – Детки твои одна другой непутевей.

– Зато твои – чистое золото, – съязвил в ответ папа, мы с Агаткой поспешно отвернулись, чтобы усмешки на наших физиономиях не вызвали новый поток гневных маминых речей.

Папа подхватил маму под руку и повел прочь, изловчился и подмигнул мне. Мы с сестрицей облегченно вздохнули, услышав, как хлопнула входная дверь.

– Как он с ней живет столько лет, – покачала головой Агата.

– Счастливо, – отозвалась я.

– Это выше моего разума. По мне, так он должен был сбежать от нее лет двадцать назад.

– Хорошо, что мама тебя не слышит.

– Дура я, что ли, при ней такое ляпнуть? – хмыкнула Агатка. Села рядом, взяла из моих рук чашку, которую я вертела в руках без всякого толка, и поставила ее на пол.

Некоторое время мы молчали. О чем думала Агатка, не знаю, а я вспоминала события прошедшей ночи. Там, у реки, я коротко рассказала, как и почему мы очутились с Милкой в Загородном парке в столь неподходящее для этого время. Мне пришлось повторить свой рассказ в кабинете следователя, подробно, в деталях, а также ответить на множество вопросов. Далеко не на каждый я знала ответ, но старалась. Незадолго до этого меня на «Скорой» доставили в больницу, ощупали мою многострадальную голову с огромной шишкой на затылке и, констатировав сотрясение мозга,

предложили задержаться у них на недельку. Агатка тоже на этом настаивала, но я наотрез отказалась. К тому моменту я успела окончательно прийти в себя. Голова хоть и болела, но соображала я неплохо и рвалась к следователям, зная не понаслышке, что если убийцу не обнаружат в первые три дня, шансов на это становится все меньше, а дел у следователя все больше. После того как менты узнали, кто мои родители, головная боль была им обеспечена, да такая, что вполне могла посоперничать с моей. Разговаривали они исключительно вежливо, глупых шуток никто не отпускал, и всячески подчеркивали, что я свидетель, а отнюдь не подозреваемая. Мне бы радоваться, но радости не было. Чего доброго, они решат не напрягаться, чтобы не накопать лишнего, а это в мои планы не входило. Я была намерена найти убийцу. Но рядовому гражданину, каковым я являюсь, это вряд ли по силам, оттого я очень рассчитывала, что мой рассказ заставит их шевелиться. Следователь, потратив на беседу со мной часа три, заметно успокоился. Из подозреваемых я стала свидетелем, а это значит, что по рукам никто бить не будет. С другой стороны, если я свидетель, к тому же лично заинтересованный в раскрытии преступления, дело это будет на особом контроле, что счастья ему не прибавило. В общем, он сам толком не знал, радоваться ему или печалиться, и не придумал ничего лучшего, как предложить мне позаботиться о здоровье и лечь в больницу. К тому моменту Агатка уже сообщила родителям о свалившемся на меня несчастье, и они появились

в кабинете следователя незамедлительно, что резко ухудшило его мыслительные способности, и он поспешил со мной проститься. Пока папа, мама и Агатка обсуждали в коридоре, что следует предпринять, я тихо снялась с места и сбежала в свою коммуналку, где и была обнаружена ими спящей крепким сном.

– Батя у нас молодец, – вдруг произнесла Агатка.

– Потому что маму терпит? – хмыкнула я.

– Потому что, несмотря на твою привычку ему свинью подкладывать, думает не о себе, а исключительно о твоём здоровье. Другой бы на его месте не преминул высказаться, что с такой дочуркой не соскучишься.

– На это мама есть.

– Ага. Один скандал плавно перетекает в другой. Вот уж его враги порадуются.

– Не доставай, – взмолилась я.

– Кто ж тебе правду скажет, если не я.

– Между прочим, мою подругу убили.

– Идиотка твоя подруга, – рывкнула Агатка, а я сказала:

– Катись отсюда.

– Сестра – это наказание, – фыркнула она и стала пить остывший чай. – В кои-то веки я абсолютно согласна с мамой, мозги у тебя аккурат в том месте, на котором ты сейчас сидишь.

– Критику принимаю, – кивнула я. – Оправдывает меня только то, что затея мне показалась ужасно глупой, но не

опасной. Что это за шантажист, который убивает свою жертву?

– С перепугу и не такое случается.

– И чего он, по-твоему, испугался?

– Того, что она, к примеру, его узнала. И могла доставить большие неприятности.

– Он потребовал тысячу долларов. Согласись, сумма смешная. Я была убеждена, это какой-то шустрый подросток, случайно застукавший Милку на пляже.

– Почему Милка была уверена, что это не ее любовник, Миша, кажется?

Я пожала плечами.

– Она считала его приличным парнем.

– Допустим, она ошибалась. Он понадеялся на легкие бабки. Заодно потешил бы свое самолюбие, отомстил девице, которая дала ему отставку. Но что-то пошло не так. Предположим, он хотел забрать деньги, не показываясь ей на глаза. Позвонил бы по телефону, сообщил, где оставить доллары, а фотки пообещал вернуть по почте. Но она его не только увидела, но и узнала. Они поскандалили, он разозлился, в мозгах замкнуло, и в результате он ее утопил. Может, хотел привести в чувство, сунув лицом в воду, но перестарался.

– Хорошая версия. Только в нее плохо укладывается факт, что сначала он двинул мне по башке тяжелым тупым предметом.

– Бейсбольной битой, – кивнула Агатка.

Я посмотрела на нее в задумчивости.

– Бейсбольной битой?

– Ага. Ее нашли рядом с машиной, на бите обнаружены волосы. Уверена, что твои. Так что сомнений нет.

– Странно, – нахмурилась я. – Бита лежала на заднем сиденье машины. Как он мог ее взять, не привлекая внимания Милки?

– Значит, она недолго оставалась в машине и вышла следом за тобой. Он взял биту, подкараулил тебя...

– А где в это время была Милка?

Агата вздохнула.

– Когда рассвело, менты там как следует все обшарили. Нашли вполне отчетливые следы. Милка топталась возле машины, далеко не отходила.

– Тебе не кажется это странным? – подумав, спросила я.

– Кажется. Находясь возле машины, она просто обязана была что-то заметить.

– А если он ее оглушил, взял биту, двинул мне по башке, а уж потом ее утопил?

– Ага. Она очнулась не вовремя и узнала этого типа.

– Допустим, – кивнула я. – Но пока у него эти фотографии, ему бояться нечего. Своему Сереге она ничего не расскажет, к ментам не пойдет.

– Я же сказала, начали скандалить, и он убил ее под горячую руку.

– Выходит, что скандалили они довольно далеко от маши-

ны.

– Может, он хотел сбежать, она бросилась за ним. Правда, кое-что мне не нравится, – заметила Агата. – Менты обнаружили следы на траве. Только это не след от обуви. Человек, скорее всего, был в носках.

– Чего ж странного? – удивилась я, не понимая, что имеет в виду Агата. – Думал, что так меньше шума...

– Или не хотел оставлять следы ботинок. А если так, то вряд ли собирался взять деньги и удалиться.

– Подожди, ты хочешь сказать... – растерялась я.

– Или он уж очень осторожен, или шантаж просто повод выманить ее в глухое местечко.

– То есть он с самого начала хотел ее убить? – Признаться, такое у меня в голове не укладывалось. Кому могла мешать Милка? – Ни фиги себе, – пробормотала я, вспомнив недавний любовный треугольник.

– Она твоя подруга, тебе лучше знать, у кого есть повод ее недолюбливать, – хмыкнула Агата.

– У парня, за которого она собралась замуж, была подружка. Из-за нее он порвал с Милкой, она здорово переживала, уговорила его поехать в Венесуэлу, потом эта история с аварией... я тебе рассказывала.

– Ну вот, еще один подозреваемый. Девушка надеялась выйти замуж, и вдруг богатого жениха уводят у нее из-под носа. Чем не повод утопить разлучницу?

– Милка хоть и худосочная с виду, но сильная. И себя в

обиду бы не дала.

– Может, она ее оглушила, а потом доволокла до реки. Хотя вряд ли, – поморщилась Агата. – Тащи она ее волоком, след бы остался. К тому же осмотр тела показал, что подружку твою утопили. При этом никаких синяков и ссадин на теле нет. К реке она спустилась сама, а дальше... Отвергнутой девице не обязательно совершать убийство в одиночку, нашла какого-нибудь идиота, пообещав ему денег. Ту же самую тысячу долларов. Ладно, девицей менты займутся. И Мишей этим тоже. Ты с ним знакома?

– Я до вчерашнего дня ничего о нем не слышала.

– Странно. Мне всегда казалось, что твоя Милка болтушка, каких свет не видывал.

– Мне тоже. Выходит, что мы не правы. Слушай, фотографии существовали на самом деле, одну из них Милка точно видела, она мне сама сказала. Отвергнутой девице, если это ее затея, достаточно было показать фотки Сереге. И грех на душу брать не надо.

– Ревнивые бабы хуже чумы, – сказала Агатка. – Я тебе могу такое порассказать...

– Мне сейчас не до чужих историй, – отмахнулась я. – Со своей бы разобраться...

– Будем надеяться, что менты разберутся, – кивнула Агатка и тут же добавила: – Менты ментами, но и самим не худо бы вокруг пошарить. Поспрашивай знакомых, кто-то должен знать об этом Мишке. Видел их, или Милка рассказала.

В этот момент у меня зазвонил мобильный. Телефон над-
рывался, а Агатка хмурилась.

– Славка? – спросила она. – Чего не отвечаешь? – Я мах-
нула рукой, сестрица взяла телефон и брякнула: – У Ефимии
Константиновны нет желания с тобой беседовать. – Отбро-
сила мобильный в сторону и расплылась в улыбке.

– Сейчас прибежит. Оно тебе надо? – вздохнула я. – Не
могла соврать, что я в ванной?

– А не приучены мы врать, – ядовито ответила сестрица. –
Ты за него в самом деле замуж пойдешь?

– А чего не отправиться проторенной тропой?

– Ну хотя бы для того, чтобы очередную глупость не де-
лать.

– Замужество вовсе не глупость. Это естественная потреб-
ность женщины репродуктивного возраста. Тебя замуж не
вытолкаешь, приходится мне отдуваться за двоих.

– То есть ты его любишь? – хмыкнула Агатка. – Или для
замужества это ни к чему?

– Вы сговорились, что ли? – возмутилась я.

– «Вы» – это кто?

– Папа, – неохотно ответила я.

– Папа у нас мужик умный. Папу слушать надо.

– Не пойму, о чем ты?

– Не поймешь? – скривилась Агатка. – Могу поставить
вопрос иначе.

– И это не поможет. Я все равно не пойму. – Я растянула

рот до ушей, а сестрица в ответ махнула рукой. Собственно, ничто не мешало ей меня покинуть, особого толку в дальнейшем разговоре я не видела. Уверена, Агатка думала так же, и только глупое упрямство удерживало ее здесь.

– Может, все-таки в больнице полежишь пару дней? – спросила она, а я ответила:

– Задолбала.

– Хочешь, я тебе пожрать приготовлю?

Я вытаращила глаза от неожиданности. Агатка готова была сутками ничего не есть, лишь бы у плиты не стоять. И вдруг такая забота. Сестринская любовь выходит из берегов. То ли дела мои так хреновы, то ли сама Агатка остро нуждалась в родном плече. У каждой из нас своя жизнь, и по наклонной плоскости мы скатываемся по-своему, зато наперегонки.

– Славка прибежит и приготовит, – отмахнулась я. – В этом ему нет равных.

– А ты не думала завести собаку? Я имею в виду по-настоящему, чтоб жила здесь, тывкала и весело трусила рядом.

– Это ты сейчас к чему? – насторожилась я.

– Это я к тому, что собака с успехом заменила бы Славку. Конечно, пожрать сготовить она не сможет, зато и в любви ей признаваться без надобности.

– Шла бы ты, в самом деле, – скривилась я. – Даже спорить с тобой лень.

– Я обещала родителям, что присмотрю за тобой.

– Присмотришь, а не станешь приставать с дурацкими вопросами.

Так мы пререкались довольно долго и изрядно друг другу надоели. Не знаю, сколько бы еще это продолжалось, но тут в дверь позвонили.

– Ну вот, защитник и опора пожаловал, – заявила сестрица и пошла открывать.

Славка мою сестрицу побаивался, впрочем, как и все представители мужского пола. Способность нагонять тоску на мужиков Агатка унаследовала от мамы.

– Чего притащился? – услышала я ее голос. – Ведь сказано было: видеть не желают.

– Агата Константиновна, вам никто не говорил, что вы похожи на отставника-сержанта? – робко поинтересовался Славка.

– Людям свойственно думать о своем здоровье, оттого делиться умными мыслями и не спешат. Заходи, если пришел, но на радушный прием не рассчитывай.

Славка ввалился в комнату с выпученными глазами. Не знаю, чего он ожидал, но, завидев меня, вроде бы вздохнул с облегчением, однако тут же спросил:

– Феня, в чем дело? Мы сегодня собирались подавать заявление. Ты что, забыла?

– Мне сейчас не до этого, – сказала я.

– Что значит – не до этого? – рявкнул Славка. Голос дрожит от злости, а физиономия совершенно несчастная.

– Милка погибла, – сказала я и отвернулась, не желая продолжать.

– Милка? Как погибла, когда?

– Тебе Агата все растолкует, – ответила я, сообразив, что мне в который раз предстоит пересказывать свою историю. Сестрица взглянула на меня с недовольством, однако коротко и по-деловому объяснила, что произошло. Славка взирал на меня недоверчиво, как будто сомневался в правдивости ее слов, и, когда она замолчала, спросил, обращаясь ко мне:

– Это правда?

– А ты думаешь, я шучу? – съязвила сестрица.

– Надеюсь, что нет. Иначе по тебе психушка плачет.

– Психушка плачет по твоей невестушке.

– Феня, – Славка коснулся моего плеча. – Почему ты мне ничего не сказала? Ты понимаешь, что могла погибнуть? Ты...

– Блин, – не выдержала я. – Третья часть Марлезонского балета. Двигайте отсюда... – Само собой, мое предложение осталось без внимания.

– Что с головой? – спросил Славка заботливо.

– По башке ей задвинули будь здоров, но так как мозгов в ней никогда не было, то особого урона не нанесли.

– Агата Константиновна, я знаю вас как исключительно деловую женщину, может, вы своими делами и займетесь, а мы как-нибудь...

– Много от тебя толку! – съязвила она. Села рядом со

мною и вдруг заревела, обняв меня за плечи. Я уткнулась носом ей в грудь, и слезы потекли из глаз ручьем. Через некоторое время Агата, вздохнув, сказала: – Ну, что теперь. Милку не вернешь. И себя винить не смей. Ты бы не поехала, так она бы другую дуру нашла.

– Чтоб я еще раз позволил тебе... – начал Славка, но сестрица тут же на него шикнула.

– Дай хоть нареветься вдоволь. Все лучше, чем чуркой сидеть. Иди пожрать приготовить, она весь день ничего не ела.

Славка удалился на кухню, где тут же загрохотал кастрюлями.

Через полчаса мы сидели за столом. Не скажу, что мне полегчало. На смену гнетущей тоске пришло некое оцепенение, мысли были вялыми, вид пищи вызывал тошноту, но я старательно запихивала ее в рот, жевала, глотала и терялась в догадках, зачем это делаю. Наверное, затем, чтоб не гневить сестру и не расстраивать Славку. Сидя рядом, он смотрел на меня так, точно в любой момент ожидал, что я развалюсь на части и собрать меня будет проблематично.

– Славка, – позвала Агата. – Ты с Берсеневым знаком?

– С Сергеем Львовичем? Да.

– Что он за человек?

– Ну... – Славка пожал плечами. – Нормальный мужик. Толковый. Дела у него идут прекрасно. Ничего больше сказать не могу, видимся мы от случая к случаю... Почему ты вдруг спросила?

– Так... мысли разные.

– Говорят, после аварии он изменился. Не только внешне. Жестче стал, что ли... Зато на благотворительность денег дает весьма охотно, а раньше жмотничал. Я его видел на прошлой неделе. Поболтали немного ни о чем. Мне он всегда нравился. Есть люди, которые вызывают безотчетную симпатию. Вот он из таких.

– А про аварию что скажешь?

– Знаю то же, что и все. Парню здорово досталось, говорят, вытащили с того света.

– А про его прежнюю пессию что говорят? Про ту, ради которой он чуть Милку не бросил?

– Я, знаешь ли, сплетнями не увлекаюсь, – недовольно ответил Славка.

– Похвально. Но не в этом случае. Хотелось бы знать, что там за девица. На что способна и вообще...

– Ты думаешь... – Славка замолчал и немного посидел истуканом. – Если надо, то поспрашиваю, – кивнул он.

Милку хоронили в пятницу. Часов в десять утра я отправилась к ее матери. Еще два дня назад я, собравшись с силами, навестила ее и рассказала о происшедшем в ту памятную ночь, стараясь щадить родительские чувства. Оттого о фотографии промолчала. Конечно, меня подробнейшим образом расспросили о шантажисте, я бубнила в ответ, что сама ничего толком не знаю. Милке позвонил некто и предложил

заплатить за молчание тысячу долларов. Кстати сказать, денег в Милкиной сумочке, которая лежала в машине, не обнаружили, выходит, убийца их забрал.

– В милиции тоже ничего не говорят, – посетовала мать Милки. – Кто мог ее шантажировать? Она что, на оборонном заводе работала? Чепуха какая-то. Тебе-то она должна была рассказать.

– Я спрашивала, она отнекивалась. Но вряд ли чего-то боялась по-настоящему. Была уверена – заплатит, и от нее отстанут.

Я не сомневалась, что и в этот раз мне зададут те же вопросы, и прикидывала, как на них ответить. Оказалось, что Милкина мать уже все знает, должно быть, следователь постарался. Эмма Григорьевна сидела на кухне в компании трех пожилых женщин. Во всем черном, нахохлившиеся, они походили на замерзших ворон. Эмма Григорьевна вытирала глаза платочком, бессмысленно повторяя:

– Как же так...

Когда не можешь помочь чужому горю, поневоле чувствуешь себя виноватой. Я почувствовала себя виноватой вдвойне. Увидев меня, Эмма Григорьевна поднялась, молча взяла меня за руку и повела в спальню. Там двое мужчин сидели возле окна, тихо разговаривая. При нашем появлении поспешно покинули комнату. Эмма Григорьевна тяжело опустилась на стул и сказала, глядя мне в глаза:

– Это правда? Ты видела фотографию?

– Нет, – вздохнула я.

– Но она тебе рассказывала? – Я кивнула. – И об этом парне тоже?

– Сказала, что его зовут Михаил, что встречались они всего пару раз...

– И у них... что-то было?

– По словам Милки, фотография весьма откровенная.

Эмма Григорьевна покачала головой.

– Не знаю, зачем она тебя обманула.

– Эмма Григорьевна... – начала я, но женщина меня перебила:

– Она не могла, Милка не такая. Она порядочная девушка... и она так любила Сергея. Мне ли не знать? Когда они поссорились, она места себе не находила. Все мысли только о нем. Плакала ночами напролет. Да где она могла с этим парнем познакомиться, если все вечера дома сидела? С работы, на работу... Никто, кроме Сергея, ей не был нужен. Я ей говорила: забудь его, если он так с тобой поступил, скатертью дорога, а она мне: «Мама, мне без него белый свет не мил». И вдруг какой-то парень. У нее от меня секретов не было. Когда начались отношения с Сережей... так она мне первым делом о нем рассказала. Как он смотрел, что говорил, что она отвечала... все-все рассказывала. И здесь бы ничего скрывать не стала... тем более что знала, как я за нее переживаю.

– Вдруг она не считала, что это серьезно?

– Но ведь не на работе же она с ним встречалась? А она

в шесть уже дома и отсюда никуда. Все звонка ждала, возле телефона маялась. И где этот Миша? Если б было что, уж на похороны пришел бы, как считаешь?

– Может, он не знает, что случилось?

– Феня, скажи мне правду, – взмолилась она. – Что тебе Мила рассказала? Не верю я следователю.

– Следователь знает о нашем разговоре с моих слов, – с трудом произнесла я. – А я рассказала только то, что узнала от Милы.

– Не могу поверить. Что хочешь делай – не могу. Материнское сердце не обманешь. Она ж его так любила, и вдруг какой-то парень. Должно быть, я совсем отстала от жизни, у вас, молодых, теперь все не так. Тебя Милка очень ценила, считала лучшей подружкой, и ты об этом парне тоже ничего не знаешь?

– Эмма Григорьевна, я уверена, его найдут. Их наверняка кто-то видел, а может, он сам объявится...

Мне очень хотелось верить, что так оно и будет, только вряд ли я смогла убедить в этом Милкину мать. «А если парня не найдут?» – с тоской подумала я. Тогда останется мой рассказ, ничем не подтвержденный. Не было парня, не было шантажа. И что мы делали вдвоем ночью в Загородном парке? Нет, не вдвоем. Был кто-то третий. По крайней мере, его следы обнаружили. Хорошо хоть, Эмма Григорьевна меня не подозревает... впрочем, кто сказал, что так оно и есть? С ее точки зрения, мое поведение должно выглядеть подо-

зрительно. Да и не только с ее... Тяжелый для меня разговор был прерван одним из родственников. Мужчина заглянул в комнату и сказал неуверенно:

– Эмма, пора ехать...

– Да-да... – Женщина как-то суетливо поднялась, стиснула мою руку и направилась к двери, но вдруг остановилась. – Феня, надо Сергею позвонить. Он в ресторан поехал насчет поминок. Милкина тетка с мужем приехать не смогли, и двоюродная сестра тоже... Пусть лишнего не заказывает, не тридцать пять человек, а тридцать всего... Позвони, номер телефона на тумбочке в прихожей.

Родственники потянулись к входной двери, я вышла из квартиры вместе со всеми, прихватив листок бумаги с номером телефона, который лежал на тумбочке. Пока все рассаживались по машинам, позвонила Сергею. Два гудка, и красивый мужской голос:

– Слушаю вас.

В первое мгновение я растерялась. Причина была вовсе не в том, что голос с хрипотцой звучал волнующе, будоража фантазию, хотя этого не отнимешь. У нормальной женщины, к которым я и себя относила, сердце бы непременно забилося чаще, да вот случай был самый неподходящий. И все-таки толчок в сердце имел место, потому что голос я, безусловно, слышала раньше. И это притом, что с Сергеем ни разу не разговаривала и видела его лишь на фотографии. Парень он занятой, у него и на встречи с Милкой времени не хватало,

а уж на ее подруг он тратить его и вовсе не желал. Так что, хотя с Милкой они в общей сложности встречались больше года, я с ним свести знакомство не успела.

– Слушаю вас, – повторил Сергей, а я, вспомнив, зачем набрала его номер, поспешно заговорила:

– Сергей Львович, я звоню по просьбе Эммы Григорьевны...

Разговаривали мы не больше полминуты, но и этого времени хватило, чтобы убедиться: мне действительно знаком этот голос. Гадая, как такое может быть, я села в ожидавшую меня машину. Обстановка к размышлениям не располагала, и я оставила свои догадки на потом. Вскоре вереница машин замерла возле серого двухэтажного здания, которое одним своим видом нагоняло тоску. На первом этаже был зал прощания, с торца – дверь в похоронное бюро. В нескольких метрах от двери стояли наши с Милкой общие подруги и ее сослуживцы, всего человек десять. Я направилась к ним. Мы кивком поздоровались, разговаривать никому не хотелось. Ленка, которая в принципе молчать не умела, через пару минут произнесла:

– Собирались гулять на свадьбе, и вот вам...

Все дружно вздохнули. Ленка перевела взгляд на меня и спросила:

– Сама-то как?

– Бывает и хуже, но я такого не припомню.

– Понятное дело. Жива, и слава богу. В голове не уклады-

вается...

В этот момент подъехал «Мерседес», припарковался возле входа, из машины вышел мужчина. Рост выше среднего, темный костюм, темная водолазка. В руках букет белых роз.

– Берсеньев, – шепнула Ленка и пояснила, как будто этого и без нее не знали: – Милкин парень.

Мужчина, ни на кого не обращая внимания, прошел в зал прощания. Народ потянулся следом.

– Милку в подвенечном платье хоронят, – не унималась Ленка. – Она его еще месяц назад купила. Специально в Италию летала.

– Ты можешь помолчать? – шикнула на нее Юлька.

– А чего я такого говорю?

Родственники встали возле гроба полукругом, мы чуть в стороне. Появился священник, всем раздали свечи, началась панихида. Видеть подругу в гробу, да еще в подвенечном платье оказалось выше моих сил, наверное, поэтому я и наблюдала за Берсеньевым. Он стоял рядом с Эммой Григорьевной и поддерживал ее под руку. Взгляд был устремлен на Милку, неподвижный, слепой. Букет он положил ей в ноги.

Лицо его было каким-то неправильным. Едва заметные шрамы на лбу и подбородке. Кожа на висках слегка натянута, оттого глаза казались чуть раскосыми. Светлые глаза под нахмуренными бровями притягивали, как магнит. Красивый мужик, шрамы его не портили. Даже наоборот. Встречаются иногда физиономии, в которых вроде бы нет ниче-

го особенного, и вместе с тем от них трудно отвести взгляд. Ты шестым чувством понимаешь, что человек, стоящий перед тобой, личность неординарная, из тех, что один на тысячу. В нем чувствовалась сила. И именно это вызывало недоумение. Сергей Львович представлялся мне человеком слабеньким, может, оттого, что никак не мог разобраться со своими бабами, а теперь его облик никак не вязался с моими представлениями. Мужчина, что стоял напротив, вряд ли позволит кому-либо вертеть собой. Скорее наоборот. Женщины в присутствии подобных мужчин млеют, глупеют и готовы на все. То ли Милкина версия их взаимоотношений была далека от действительности, то ли у меня фантазия разыгралась. Может, все дело в этих шрамах? Может, это они придают ему излишне мужественный вид? После аварии ему сделали пластическую операцию, вот и разгадка некой неправильности...

Отпевание закончилось. Начали прощаться. Я с трудом сдержалась, чтобы не броситься отсюда сломя голову при виде того, как Эмма Григорьевна рыдала, вцепившись в гроб. Ее отвели в сторону, Берсенев приблизился к гробу, достал из кармана пиджака кольцо и надел Милке на палец. Наклонился и поцеловал ее в губы. Женщины ахнули и дружно зарыдали. Сделай подобное кто-то другой, наверняка получилось бы чересчур мелодраматично и как следствие отдавало бы театральщиной. Но у него получилось естественно. Брови сведены, в красивых глазах скорее гнев, чем печаль. Мужчи-

ны не плачут. По крайней мере, прилюдно. Но этот взгляд говорил о его горе куда больше, чем громкие рыдания. В общем, все женские сердца прониклись к нему симпатией, и как следствие появилось желание немедленно его утешить. Я не сомневалась, что кое-кто не прочь заняться этим прямо сейчас. Что за мысли лезут в голову? Я-то сама с какой стати на него пялюсь?

Я подошла к Милке и, зажмурившись, ее поцеловала. Чувство было такое, что коснулась губами камня.

– Прости меня, – беззвучно попросила я. – За дурацкие мысли тоже прости.

С кладбища мы сразу же поехали в ресторан. Я оказалась в одной машине с подругами. Юлька за рулем, Ленка рядом со мной на заднем сиденье, впереди рядом с Юлькой – Ирина. Как только мы въехали в город, Ленка начала трещать.

– Как вам Берсеньев? Теперь понятно, почему в него Милка вцепилась.

– Ты можешь заткнуться? – разозлилась Юлька.

– А чего такого я сказала? Настоящий мужик. За таким пойдешь на край света, даже если у него в кармане ни гроша, а у этого еще и бабла немерено.

– Да помолчи ты, Христа ради, – рявкнула Юлька.

– Я его другим представляла по Милкиным рассказам, – глядя в окно, заметила я, решив поддержать разговор.

– Каким? – заинтересовалась Ленка.

– Ну, не знаю... мягче, что ли... уступчивее...

– Ага. Он свой бизнес начал с нуля и за несколько лет вон как поднялся. Бесхарактерные мальчишки на такое не способны. В каждом преуспевающем предпринимателе сидит акула, это всякий знает, даже если бизнесмен выглядит маменькиным сынком. Не стал бы он тем, кем стал, будь иначе.

– Мне тоже казалось, что он другой, – заметила Ирина, до той поры молчавшая. – Может, потому, что так легко согласился поехать с Милкой в отпуск. У него ведь был роман с этой девицей, забыла, как ее зовут.

– Приличный мужик. Хотел расстаться с женщиной похорошему, – пожалала Ленка плечами. – Мужиков ведь не поймешь, любят одну, спят с другой, отдыхают с третьей, обычное дело. Девице, считай, повезло. Парень нуждается в утешении, и если она подсуется, то быстренько приберет его к рукам.

– Вы знакомы с кем-нибудь из Милкиных подруг по работе? – спросила я.

– Ну, так. Верка с ней вместе работала, рыжая, ты же ее помнить должна, она с нами на майские на шашлыки ездила.

– Я ее не видела сегодня.

– Была. Ты, должно быть, просто внимания не обратила. Что не удивительно. Не знаю, как бы я чувствовала себя на твоём месте.

– Да уж, – вздохнула Юлька, а вслед за ней и Ирина.

– В голове не укладывается... совершенно дурацкая исто-

рия. Как думаешь, убийцу найдут, а, Фенька?

– Надеюсь. Для начала надо отыскать парня... Мишу этого. А о нем, похоже, никто не знает. Эмма Григорьевна убеждена, что никакого парня вовсе не было.

– Был, – вдруг сказала Юлька и посмотрела в зеркало, взгляды наши встретились.

– Ты его видела? – спросила я.

– Нет. То есть видела, как Милка выходила из машины. Возле универмага. Я как раз шла к парковке и ее заметила. Спросила, кто ее привез, а она вдруг испугалась и принялась болтать о каком-то сослуживце. Видно было, что врет. А чего врать? Я еще тогда подумала, надоело ей за Берсеньевым бегать, завела кого-то. Но шифруется. На всякий случай. Видно, надежду не теряет.

– Когда это было? – заинтересовалась я.

– Перед майскими праздниками.

– А что за машина, помнишь?

– Вроде «БМВ». Меня уже менты спрашивали. Вы помните, Милка ходила совершенно потерянная, то бесилась, то на нее депрессняк накатывал. А потом вдруг успокоилась. То есть вроде все еще убивалась и о Берсеневе своим без конца говорила, но отчаяния в ней не чувствовалось. Даже наоборот. Я еще решила: что-то она задумала. А потом эта совместная поездка. Видно, знала, чем Берсеньева зацепить, надо было его просто увезти подальше и остаться с ним наедине.

– Ага. И тут ей подфартило, – влезла Ленка. – Парень-страдалец, и она вроде сестры милосердия. Эх, вот ведь жизнь... Суетимся, планы строим, а потом бац... и все.

В ресторане Берсеньев сидел за столом рядом с Эммой Григорьевной, а я – довольно далеко, что позволило сколько угодно на него пялиться, к себе особого внимания не привлекая. Он по-прежнему хмурился, но выглядел не то чтобы спокойным, скорее отрешенным. Эмма Григорьевна попросила его сказать несколько слов, он поднялся и произнес краткую речь. Слова нашел вроде бы обычные и говорил просто, но вышло проникновенно. Дамы вновь потянулись за платками. Ему сочувствовали даже больше, чем матери. Хотя казалось, что сочувствия он вроде и не искал.

– Просто сердце разрывается, – шепнула мне Ленка.

– Береги здоровье, – буркнула я.

– Как думаешь, он ее очень любил? Или это благодарность за то, что она его с того света вытащила?

– Вытащили его все-таки врачи, без них Милка вряд ли бы справилась.

– Ну что у тебя за свинский характер, – возмутилась Ленка. – Вечно все вывернешь наизнанку.

За столом мне не сиделось, еда вставала комом в горле, выпивка тоже не помогла. К вполне понятным чувствам примешивались другие. С Берсеньева я теперь практически глаз не спускала. На это кто-нибудь да обратит внимание. Чтобы

не искушать судьбу, отправилась на улицу. Прогуливалась неподалеку от входа, и тут появился Берсенев. Закурил, посмотрел на меня и спросил:

– Вы подруга Милы?

– Да, это я вам сегодня звонила.

– Ефимия Константиновна, кажется?

– Лучше зовите Фенькой, – ответила я.

Он криво улыбнулся.

– У вас смешное имя. Впрочем, вам идет.

– Ага. Я тоже... смешная.

– Вы были с Милой в ту ночь? – Теперь голос звучал сурово.

– Да, – кивнула я, отводя взгляд.

– Почему вы ее не остановили?

– Я пыталась. Честно. Но она не послушала.

– Значит, это правда?

– Что «правда»? – Я прекрасно понимала, что Берсенев имеет в виду, но отвечать не спешила. Глупо, конечно, но мне казалось, что Милке бы это не понравилось. Да и ему лишней боли причинять не стоило.

– Допустим, она боялась мне признаться, но вы... вы ведь сами могли мне позвонить.

– Стучать на подругу?

– Теперь вы ее похоронили, – хмыкнул он. – Так куда легче.

– Можете дать мне в зубы, если хотите, – не выдержала я.

– А толку? – Он отбросил сигарету и вернулся в ресторан.

Я выждала время и тоже прошла к столу, но лишь затем, чтобы забрать сумку. Шепнула Ленке: «Я ухожу», – и, пользуясь тем, что до меня никому не было дела, поспешно вышла на улицу. Жаль, что не удалось поговорить с Веркой, девушкой, что работала вместе с моей подругой в фирме Берсеньева. Но это терпит.

Домой я отправилась пешком. Разговор с Берсеньевым произвел впечатление, и не только потому, что он недвусмысленно дал понять – в гибели подруги винит меня. Теперь я окончательно перестала сомневаться, что слышала раньше его голос. Более того, я точно знала, когда его слышала и где. Несколько месяцев назад, в самом конце апреля...

В самом конце апреля, вернувшись с родного участка, где совершала ежедневный трудовой подвиг с метлой в руках, я обнаружила в нашей коммунальной кухне свою соседку, Дуську. Незадолго до этого она обрела свое женское счастье в лице малопьющего мужичка невзрачной наружности. Последние несколько лет ушли на бесплодные поиски этого самого счастья, и свалившаяся на голову Дуськи внезапная удача немного выбила ее из колеи. Именно этим я объясняла тот факт, что Дуська, скоренько переехав к возлюбленному, свою комнату жильцам не сдала, и та продолжала пустовать, хотя соседка моя женщина хозяйственная, практичная и деньги считать умеет. Может, и не велик доход, но

все-таки какой-никакой. Появлялась она в родной квартире исключительно редко, и, застав ее на кухне, я подумала, что Дуська наконец-то нашла квартирантов, о чем и решила меня известить.

– Здорово, Фенька, – весело приветствовала она меня, как только я вошла в квартиру.

– Как жизнь счастливой новобрачной? – спросила я, водворяясь в кухню и устраиваясь за столом напротив Дуськи.

– Тьфу-тьфу, не сглазить бы... повезло, одним словом. Может, с виду он у меня и неказистый, но дело свое знает. И по дому, и по мужской части... – Дуська прыснула в кулак и весело продолжила: – Прикинь, «Камасутру» купил.

– Для приятного чтения или упражняетесь?

– Упражняемся, Фенька. Уж до шестьдесят восьмой страницы дошли.

– И вправду повезло. – По непонятной для меня причине пути «Камасутры» и мои собственные не пересеклись ни разу, но с чужих слов о ней я, конечно, знала. Древние индусы дураками не были и уж что попало в трактаты пихать не стали бы. Хотя и не наши предки, но все равно уважения достойны, в конце концов, все люди братья, и кровь у нас одна.

– Повезло, Фенька, повезло. А ты как?

– В смысле «Камасутры»?

– Нет, вообще.

– Вообще хорошо.

– Сейчас работы у тебя поменьше, снег сошел, махай себе

метлой, одно удовольствие.

– Ага, – кивнула я, пытаюсь понять, что это Дуське вздумалось заговорить о моей работе.

– Слышь, помоги мне, а? – вдруг попросила она жалостливо.

– А чего надо-то? Денег взаймы?

– Не-а, с деньгами у нас нормально. Мой-то на инвалидности, пенсия приличная, и на прежней работе ему деньги выплачивают, он ведь там трудоспособности лишился. У него вторая группа, нерабочая...

– Дуська, чем помочь-то? – не выдержала я.

– Так я и объясняю. У него вторая нерабочая и в деревне дом. От матери остался. Сезон начался. Его к земле и потянуло. Грядки там, картошечку посадить, огурцы...

– Хочешь, чтоб я тебе грядки вскопала? Ладно, приеду в выходной...

– Да нет, – махнула Дуська рукой. – То есть приезжай, конечно. Отдохнем, в баньке попаримся. Я тебе всегда рада.

– Ты скажешь, наконец, чего тебе от меня надо?

– Не могу я мужика в деревню одного отпустить. Там баб немерено, а мужики пьянь на пьяни. И тут мой. Охнуть не успеешь, какая-нибудь пристроится. Его к земле тянет, а мне-то на работу. Конечно, можно бросить, мужик дороже, но уж больно не хочется место терять. Такое место я нашла, Фенечка. Два раза в неделю хожу убираться у дядечки-пенсионера. Дядечка хороший: пыль протерла, полы по-

мыла, ванну почистила – и всех делов. А платит очень прилично. Меня к нему через фирму устроили, «Добрые руки» называется. Само собой, можно бы отпуск взять, но ведь пошлют кого-нибудь вроде бы на время, а может выйти, что навсегда. Помоги, а?

– За тебя убираться, что ли? – наконец-то дошло до меня.

– Ага. Деньги, само собой, себе возьмешь. Мы за май все посадим, обустроимся, а уж в июне я сама работать стану, буду ездить сюда два раза в неделю. Далековато, конечно, но что делать. Уж я на все-то лето тебя не прошу, только на месяц.

– Без проблем, – пожала я плечами. – Если старичок твой возражать не будет.

– А чего ему возражать? Я его и не видела ни разу. Он мне по телефону позвонил, объяснил, что и как. Я прихожу, ключи под цветочным горшком возле крыльца, убираюсь и там же ключи оставляю. А деньги он на тумбочку кладет под телефоном.

– А пенсионер твой в это время где бывает?

– Кто ж его знает? По мне, так лучше, что его нет. Звонит иногда на свой телефон домашний, если что сказать надо.

– Так с чего ты взяла, что он старичок?

– Так в фирме сказали. Семьдесят четыре года, пенсионер. Яков Иванович. И голос у него такой... старческий, говорит с трудом, вроде как задыхается.

– Задыхается, а дома не застанешь, – проворчала я, скорее

из вредности.

– Может, на прогулку уходит, там сосны, воздух полезный. Мне мешать не хочет. А может, и работает где. Дом-то богатый.

– Ладно, давай адрес. И о старичке не беспокойся. Буду содержать его в чистоте и порядке.

– Спасибо тебе, Фенька. Я знала, ты не откажешь. – Попричитав еще немного о моем добром сердце и большой своей любви ко мне, Дуська отбыла восвояси, снабдив меня адресом и необходимыми инструкциями.

Так я стала дважды трудящимся человеком: дворником и домработницей. Про свою вторую профессию я едва не забыла. Вернулась в девять утра домой с родного участка, встала под душ, и тут меня осенило, что сегодня вторник, и в десять я должна быть у старичка, если не хочу подвести Дуську. Чертыхаясь, я быстренько закончила омовения, впихнула в себя бутерброд, на ходу запив его кофе, и попыталась решить насущный вопрос: как добраться до микрорайона Лесной, где обитает дедушка. Общественным транспортом вовремя не успею. В общем, пришлось ехать на такси. Душевное спокойствие Дуськи было мне дороже, и незапланированные траты особого протеста не вызвали.

Такси подъехало через десять минут, а еще через полчаса я уже была в микрорайоне Лесной. Еще не так давно здесь находился пионерлагерь (помнится, я тут отдыхала в пятом классе). Потом его то ли продали, то ли решили, что детво-

ре он без надобности, а землю отдали под застройку. Теперь двухэтажные коттеджи шли вперемежку со старенькими деревянными домами. Лесной хоть и получил статус городского микрорайона, но от города находился на приличном расстоянии. За мостом возле Загородного парка надо было свернуть налево и проехать еще километров пять. По словам Дуськи, проблем с транспортом не возникало, от Загородного каждые полчаса ходили маршрутки. Сосновый лес, рядом речка, оттого люди сюда потянулись не бедные, в чем я смогла убедиться, глядя в окно.

– Восемнадцатый дом должен быть справа, – сказал водитель, я кивнула.

Мы доехали до конца улицы, дорога сделала плавный поворот, и мы вновь оказались в лесу. Я решила, что нужный дом остался где-то позади, но тут в просвете между деревьями мелькнула красная крыша, а вскоре мы смогли увидеть и само здание. Точнее, поначалу только двухметровый деревянный забор и часть второго этажа вкуче с крышей, высокой, крытой черепицей. На заборе рядом с калиткой был прибит номер «18».

– Ну вот, – сказал водитель. – Нашелся ваш дом.

Я расплатилась и направилась к калитке. Повернула ручку, калитка открылась, я ступила на дорожку, выложенную белым камнем, огляделась и присвистнула. Дом был очень старым. Двухэтажная дача, чудом сохранившаяся с дореволюционных времен. Странно, что в моей памяти она не со-

хранилась, хотя, помнится, в то лето, когда я здесь отдыхала, вся округа была мною исхожена и обследована. Резное крыльцо, недавно подновленное, наличники, чуть в стороне двухэтажный флигель, слегка покосившийся от времени. За домом сад. Я увидела старенькие качели на железных цепях, они едва слышно поскрипывали.

– Родовое гнездо, – буркнула я и, признаться, старичку позавидовала.

Было в этом месте, да и в самом строении, нечто завораживающее. Я подошла к крыльцу и первым делом обратила внимание на большой цветочный горшок с чахлой геранью. Вынести ее на улицу явно поторопились. Ключ оказался на месте, длинный, из тусклого желтого металла, вместо брелока тесемка. «Должно быть, ключ – ровесник дома», – решила я и поспешила открыть дверь, прикидывая, что меня ожидает. Тут же возникло что-то вроде разочарования. Просторный холл с евроремонтом, от благородной старины ничего не осталось. Я прошла по первому этажу. Суперсовременная кухня, просторная гостиная. В углу громоздкий резной буфет – все, что сохранилось от прежней обстановки. Туалет, кладовая и ванная. Широкая лестница на второй этаж. Две спальни, одна явно нежилая, кабинет-библиотека. Мебель итальянская, с позолотой. Книжные шкафы пусты более чем наполовину. Роскошный стол и кресло. Компьютер отсутствовал. Впрочем, пожилые люди прекрасно обходятся без чудо-техники. Я, кстати, тоже. Тут ожил телефон, и я ку-

барем скатилась на первый этаж, успев снять трубку после третьего звонка.

– Евдокия Александровна, доброе утро, вы уже пришли?

– Доброе утро, – пробормотала я, решив не ставить в известность хозяина о том, что у него теперь другая домработница. Голос, безусловно, принадлежал пожилому человеку, к тому же страдавшему одышкой.

– Я вчера взялся готовить, да со своей вечной забывчивостью мясо проворонил, – продолжил старичок. – Вы уж, сделайте милость, сковородку почистите, я не успел.

– Конечно, конечно, не беспокойтесь.

– Вот и славно. Благодарю покорно, всего вам доброго.

– До свидания, – промямлила я и повесила трубку. – Пора приступать, – сказала громко, переоделась в шорты и футболку и пошла в кладовку за инвентарем. В тот день я потратила на уборку куда больше времени, чем планировала, и, признаться, изрядно устала. Наверное, оттого и не обратила внимания на некие странности, только отметила, что хозяин на редкость аккуратен. В доме образцовый порядок, не считая едва заметного слоя пыли на мебели.

Наконец-то, закончив уборку, приняла душ, тщательно сполоснула за собой ванну и отправилась восвояси, прихватив деньги, которые лежали под телефоном в холле.

Странности начались в пятницу, когда следовало сменить постельное белье. С этого я и начала, рассчитывая, что за время уборки белье успею выстирать в машине. Кровать,

кстати, хозяин заправлял сам с аккуратностью, столь ему свойственной. Снимая наволочку с подушки, я обнаружила несколько волосков. Дело в общем-то обычное, и у молодых волосы выпадают, а уж что говорить о старике. Понятия не имею, с какой такой стати они меня заинтересовали. Выходит, старичок мой блондин и волосы носит довольно длинные. Я бы сказала, даже слишком, что для пожилых людей все-таки редкость. «Оригинал, – подумала я и тут же усмехнулась: – А может, волос все-таки не мужской, а женский, и здесь на днях ночевала блондинка». Эта мысль вызвала веселое фырканье.

Из спальни я перешла в гардеробную и в первый раз обратила внимание, что одежды у владельца дома до смешного мало. Два добротных костюма по моде двадцатилетней давности, три рубашки в полоску и клетчатый пиджак. Внизу на подставке ботинки на толстой подошве. Никаких теплых вещей. Пальто, шапки и шарфы начисто отсутствовали. Это показалось довольно странным. Я знала, как неохотно пожилые люди расстаются с привычными вещами. Годам к семидесяти в их гардеробе скапливается большое количество рубашек, джемперов, курток и прочего барахла, которое годами не носят, но упорно хранят. Тут я подумала о недавнем ремонте в доме. Распростившись со старой мебелью, хозяин вполне мог обновить свой гардероб и оставил лишь то, что считал нужным.

Из гардеробной я перешла в ванную. Как человек ответ-

ственный, открыла шкафчик с намерением протереть полки. Обязательный шампунь, куски мыла, бритва. Гель для бритья, недешевый. Что ж, хозяин такого дома вполне может себе позволить. В самой глубине шкафа стояли лосьон известной фирмы, дезодорант и одеколон. Очень дорогой, кстати сказать. Но удивило не это. Подобный аромат больше подошел бы молодому мужчине, причем далеко не каждому. Пожилые люди обычно консервативны, мой отец, к примеру, последние десять лет покупал одну и ту же туалетную воду, и никакие уговоры не помогали попробовать что-нибудь новое. Флакон был наполовину пуст, выходит, хозяин им пользовался, и это вовсе не чей-то случайный подарок, который он, не рискнув передарить, сунул подальше в шкаф, чтобы глаза не мозолил. Я еще раз приняухалась. Что ж, вкус у дядечки есть. Запах немного терпкий и, безусловно, эротичный. Какая, на хрен, эротика в семьдесят четыре года? Ладно, неизвестно, чем я буду себя поливать, если удастся дожить до таких лет. Однако взглянуть на старичка было бы интересно. Фантазия услужливо рисовала пожилого ловеласа, с лысиной, старательно замаскированной длинными волосами, а также масляными глазками, которые с вождением смотрят вслед девчонкам в коротких юбках. Но одежда в гардеробе, а главное, голос старичка данному облику не соответствовали. К тому же у дядьки явные проблемы со здоровьем. Стоило мне об этом подумать, как тут же кое-что показалось очень странным: отсутствие каких-либо лекарств.

Мои родители намного моложе, но шкафчик на кухне забит до отказа таблетками, мазями и прочим аптекарским хозяйством. В спальне старика их точно нет, хотя пожилые люди стараются держать таблетки под рукой.

Уж если что упадет мне в голову, то всерьез. Оттого я, оказавшись в кухне, довольно нахально обследовала все шкафы. Даже у меня можно отыскать таблетки от головной боли. А этот, видно, чемпион по здоровью. Чего ж тогда задыхается? В ванной, что была внизу, никаких препаратов я тоже не нашла. Устроилась на стуле в гостиной, огляделась и наконец-то поняла, что смутило меня еще в первый визит. Запах. В квартире пожилых людей пахнет всегда специфически. Старостью, лекарствами, старой одеждой, обивкой мебели, газетами, прочитанными еще год назад, даже обоями. «В доме недавно делали ремонт», – напомнила я себе. Недавно? Пару лет назад как минимум. Одинокий старик, живущий в огромном доме...

Тут я посоветовала себе не увлекаться и вновь принялась за уборку. Однако мысли о странном дядечке все-таки вертелись в голове, и когда я во вторник явилась вновь, платяной шкаф нежилой спальни вызвал у меня интерес. Шкаф был заперт, но ключ торчал в замке. Свое неумеренное любопытство я предпочла именовать заботой о чистоте: пыль, как известно, скапливается не только на шкафу, но и в нем. Шкаф я открыла и первым делом обратила внимание на плащ, длинный, с подплечниками, который давным-давно вышел из мо-

ды. Он был застегнут на все пуговицы, и это показалось странным. Под плащом оказался мужской костюм терракотового цвета, в полоску. Нечто подобное я видела на днях в глянцевом журнале, и щеголял в нем Брэд Питт. Смело. И очень дорого, судя по названию фирмы. Еще два костюма в чехлах – черный и темно-серый. Фирма та же. У старичка неплохая фигура, брюшком он точно не обзавелся. Правда, костюмы, что висели в гардеробной, были размера на два больше. На полках второго отделения лежало белье, носки стопочкой и прочие детали мужского туалета. Все темненькое, купленное в обычном магазине. Все новое. Майки вообще ни разу не надевали. А вот под ними... Под ними оказались три фирменных рубашки, с десятков галстуков, летняя рубашка в талию и несколько футболок-стрейч. Носить подобное мог лишь человек без комплексов или абсолютно уверенный в своей фигуре.

Стараясь разложить вещи точно так, как до моего вторжения, я размышляла о странностях чужого гардероба. Объяснение может быть простым: старичок вовсе не одинок, с ним живет или иногда здесь появляется молодой мужчина. Сын, внук, племянник – не важно. Лекарство дядя носит с собой, а меня никто не просил совать нос в его дела. При мысли, что я недавно копалась в чужом белье, сделалось стыдно. Я тут же дала себе слово больше ни к чему не прикасаться, если только этого не требуют мои обязанности.

Закончив уборку и покинув дом, я сунула ключи под гор-

шок с геранью и направилась к остановке маршрутки. Не успела преодолеть сотню метров, как заметила женщину лет шестидесяти. Она стояла на тропинке, ведущей в лес, и с интересом смотрела в мою сторону. Возле ближайших кустов весело нарезал круги фокстерьер. «Хорошая возможность кое-что узнать о владельце дачи», – решила я, но, вспомнив недавние сожаления по поводу своего неумемного любопытства, посоветовала себе двигать дальше. Но тут женщина сама пошла мне навстречу и даже заговорила, а я сочла это знаком судьбы.

– Здравствуйте, – сказала она.

Я в ответ поздоровалась и улыбнулась.

– Вы родственница Якова Ивановича? – спросила женщина.

– Нет. Прихожу убираться.

– Так вроде женщина постарше приходила?

– Она сейчас в отпуске.

– А, вот оно что. Как здоровье Якова Ивановича? – Чувствовалось, что тетка не прочь поболтать, пока фокстерьер занят своими собачьими делами.

– Надеюсь, что хорошо, – ответила я. – Если честно, я его еще ни разу не видела.

– Вот как... – Мой ответ ее вроде бы удивил. – Он ведь почти не выходит.

– У меня ключи от дома, хозяин отсутствует, – коротко сообщила я и не удержалась от вопроса: – Он один живет?

– Один.

– И никто его не навещает?

– Да вроде нет.

– Давно он здесь?

– С зимы. Откуда-то с Севера приехал. Работал там. Овдовел. Дочка здесь жила, вышла замуж за иностранца. Квартиру свою продала, старика с собой зовет. А он не знает, то ли ехать, то ли нет. Возраст. И надо бы к дочери, но на чужбину страшно. Все распродал, а решиться не может, вот и снял дом.

– Так это не его?

– Нет. Это Ковригиных дача. Адвокат известный, должно быть, слышали? Старший помер, а сынок в Москве. Очень занятой человек, приезжать сюда ему некогда, а продавать не хочет, дачу еще прадед построил. Вот и сдает. Через фирму. А пока дача пустовала, я за порядком присматривала.

– Якова Ивановича часто видите?

– Да ни разу. Как заселился, позвонила, не надо ли чего, может, помощь какая. Он сказал, справится. Домработницу нанял. По телефону, бывает, разговариваем. Он болеет сильно, из дома не выходит, вот я и звоню иногда, мало ли что.

– А как же продукты? Он сам в магазин ходит?

– Племянник раз в неделю привозит.

– Вы с ним знакомы? – не унималась я.

– С племянником-то? Нет.

– Он на машине приезжает?

– Должно быть, так.

– То есть вы и машину не видели?

– Тут, милая, в каждом доме по три штуки, поди разберись, которая чья. А от дома с той стороны дорога есть, через лес, так что по улице ему и ехать ни к чему, через лес быстрее получится.

– Странно все-таки, что я его не застаю, – заметила я. – Если он почти всегда дома...

– Так, может, в поликлинику пошел, пожилой ведь человек, или еще куда...

– А здесь есть поликлиника?

– Нет. Мы к четвертой городской больнице относимся, туда и обращаемся.

Простившись с женщиной, я поспешила к остановке, размышляя над рассказом. Сплошная несуразица. Дуська у него работала три месяца, судя по всему, с тех самых пор, как он здесь поселился. И ни разу хозяйина не видела. Соседи о нем тоже ничего не знают. Допустим, дядька к знакомствам не стремится, собирается на постоянное место жительства за границу... Занятный старикан, снял бы квартиру, зачем ему дом? В многоквартирном доме полно соседей, в случае чего есть к кому обратиться... А здесь сосны, тишина. Может, дядька с родиной прощается, родным воздухом хочет надышаться?..

Явившись в пятницу, я категорически запретила себе ломать над этим голову, однако, воспользовавшись тем, что

приехала чуть раньше, прошла вокруг забора, якобы с намерением прогуляться. Сзади были ворота, а от них шла хорошо накатанная дорога, кое-где посыпанная щебенкой. Короткая, всего-то с полкилометра, она плавно огибала Лесной и выходила на шоссе. Интересно, есть ли у старика машина? Гараж точно есть.

Я вернулась к калитке и совершила еще одно путешествие, на этот раз вокруг дома. Металлические ворота гаража подогнаны плотно, ничегошеньки не разглядишь. Я направилась к крыльцу, и вдруг возникло чувство, что за мной наблюдают. Может, дядька сегодня дома остался, увидел меня в окно и теперь гадает, с чего меня носит кругами? Я подняла взгляд на окна. Занавески ни в одном не шелохнулись.

Я направилась к герани. Ключи лежали под горшком. Забыв о своем обещании, я первым делом направилась в гараж. В него можно попасть из дома. Металлическая дверь закрыта, ключ в замке отсутствовал. Рядом еще дверь, за которой оказалось что-то вроде сарая. Здесь пылился сельскохозяйственный инвентарь и сваленная в углу старая резина. В задумчивости попинав ее ногой, я вернулась в дом. Тут раздался телефонный звонок, и я вприпрыжку устребилась в холл.

– Евдокия Александровна, – услышала я голос дядечки, выходит, он до сих пор о подмене не догадывается. Мы тепло поздоровались, и старичок продолжил: – На плите в кастрюле суп, вы его вылейте. Второй день стоит, испортился, наверное. Я сейчас в больнице, на дневном стационаре, дома

не питаюсь.

– Хорошо, не беспокойтесь, – ответила я и, вешая трубку, поздравила себя с разгадкой. Оказывается, все просто. Старичок появляется здесь ближе к вечеру, оттого наше свидание с ним не состоялось. Но не три же месяца он на дневном стационаре? Впрочем, пенсионеры любят лечиться, это одно из немногих развлечений, когда тебе за семьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.